

ВЕНЕРА — МОСКВА — ЮПИТЕР

КОСМИЧЕСКИЙ СТРАЖ

КНИГА 5

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИКМОНК

18+

Ник Монк

**Венера-Москва-Юпитер. Книга
пятая: Космический страж**

«Автор»

2026

Монк Н.

Венера-Москва-Юпитер. Книга пятая: Космический страж /
Н. Монк — «Автор», 2026

Пятая книга законченного цикла о судьбе простого советского парня. Реальное ближайшее будущее. Государства и корпорации, космические гонки и тайные войны, научные открытия и освоенное пространство Солнечной системы от Венеры до Юпитера. Советский Союз снова существует — не как ностальгия и не как реставрация прошлого, а как передовая социалистическая форма организации общества, противостоящая миру наживы, эксплуатирующему человеческие пороки и страсти. Александр Вихров прошёл долгий путь, но теперь от него требуется больше, чем мастерство пилота. Взять на себя ответственность за другого, ничего не ожидая взамен. Стать Стражем. Стражем чего? Служба в Планетарном корпусе, космические гонки и чужие тайны складываются в одну картину. То, что казалось особенностью его организма, оказывается частью гораздо более древней истории. Ставки растут, а цена решений теперь измеряется не только его собственной жизнью.

© Монк Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ник Монк

Венера-Москва-Юпитер. Книга пятая: Космический страж

Пролог

Над юго-восточной областью Марса пропал кусочек звёздного неба. Тёмная точка заскользила к поверхности и пересекла окраину Хеллас Планиitia — гигантского ударного бассейна более двух тысяч километров в поперечнике, названного так в XIX веке в честь античной Эллады¹.

Тёмный росчерк каллиграфически точно метнулся по чёрному листу космоса, на мгновение стирая звёзды, и замер над небольшим кратером у южного склона краевой гряды. Не более пятнадцати километров в диаметре, скрытый в одном из отрогов гор, за которыми простиралось южное нагорье Марса, кратер совершенно терялся среди сотен других. Днём его перечеркивали тени скалистых уступов, а ночью он сливался с чернотой многочисленных провалов и расщелин, покрывавших дно равнины.

Чёрная точка выпустила тонкий зелёный луч и стала скользить вдоль него, погружаясь в ночной мрак долины. С Земли или Луны сам кратер даже в периоды противостояния терялся в деталях рельефа, и за последние семнадцать противостояний ни одна наблюдательная система не зарегистрировала здесь активности.

Бассейн лежал на семь километров ниже среднего уровня поверхности Марса; краевая гряда и скалистые уступы скрывали часть дна при наблюдении под малыми углами. Главную опасность представляли марсианские орбитальные аппараты, и в окна их пролёта активность приходилось сворачивать.

Чёрный шар слился с поверхностью и исчез, благополучно успев воспользоваться орбитальным окном, когда ни один чужой спутник не смотрел в его сторону.

— Госпожа Кун! Мы рады приветствовать главу эндаумент-фонда Звёздной Лиги Университетов! — разношёрстная группа встречающих, которая, тем не менее, старалась выглядеть максимально официально и организовано, качнулась навстречу гостям, и тут же раздалась сбивчивые аплодисменты.

За спиной высокой женщины и сопровождавших её коллег мягко затворился шлюз, создавая ощущение уютной камерности. В небольшом зале столпились руководители и ведущие учёные марсианского филиала Бristонского университета, герб которого гордо красовался на противоположной стене.

Оставив сопровождающих на два шага позади, женщина приблизилась к стоявшему во главе группы мужчине в старомодных очках и дважды церемонно приобняла его.

— Дорогой доктор Джейкобсон! Как я рада вас видеть! Новости о ваших исследованиях взбудоражили всех членов Совета! — она отстранилась и, не отпуская рук от его плеч, демонстративно любовалась засмущавшимся учёным. — Мы будем рады сегодня же обсудить расширение программы исследований и, конечно же, финансирования!

Последнее слово она произнесла с восторгом, как будто сама испытывала приступ детской радости при этой мысли. Волна облегчения и неприкрытого восхищения чуть не толкнула

¹ От греческого слова Hellas (Ἑλλάς) — так сами греки называют Грецию.

доктора Джейкобсона в объятия гости, но он вовремя сдержался и, суетливо замахав руками, начал приглашать гостей скорее пройти во внутренние помещения базы.

— Седьмой выпуск магистров покинул стены нашей альма-матер на прошлой неделе. На каждого из них приходится по две-три заявки от крупнейших земных корпораций! Все достигли планового уровня, как мы и рассчитывали! — Он перебил сам себя и указал за окно гравиплатформы, где на огромном спортивном поле занималась группа человек в двести. — Эти ребята только начинают развивать резонанс, но уже прошла сегментация покладам. Отбраковка не превышает семи процентов, а в остальных случаях методика и, конечно, тщательный наследственный отбор дают поразительные результаты!

— Что библиотека? Пополнилась? — вежливо выслушав пояснения профессора, спросила главный попечитель, меняя тему.

— Мы открыли четвёртый уровень тоннелей. Пока только начинаем разведку.

— А третий оставили незавершённым?

— Предок Дол потребовал завершить активацию зала памяти, прежде чем мы продолжим движение вглубь по третьему уровню.

— И в чём же проблема? — выразительный изгиб приподнятой брови буквально приковал взгляд учёного, заставив того застыть в нелепой позе.

Но потом, сглотнув ком в горле, он собрался с духом и наконец заговорил.

— Биологическая готовность среды погружения не достигла порога обмена. У нас есть только один восприимчивый из трёх, но и тот на уровне 87% гармонизации резонанса.

— Хорошо. Я думаю, что смогу вам помочь и в этом. — Госпожа Кун обернулась к сопровождавшим её молодым людям, среди которых выделялся юноша с тонкими чертами лица. Она неуловимым движением коснулась платиновых волос, уложенных в изящную причёску, которую венчал обруч из белого металла. Через несколько мгновений она снова посмотрела на профессора. — Проводите нас для начала в библиотеку.

Учёные остались на пороге длинного зала и напряжённо наблюдали за женщиной и её сопровождающими, боясь произнести хоть лишнее слово. Председатель фонда, скрытая конусом защитной накидки, медленно шла вдоль стеллажей с капсулами. Она двигалась мелкими шажками; подол ни разу не шелохнулся, и казалось, будто женщина парит над полом. Карточки она считывала быстро, но возле некоторых капсул подолгу задерживалась, а иногда просила кого-то из коллег приложить ладонь к сенсорной панели.

— Чёртова работа, — еле слышно шепнул один из учёных, сопровождавших профессора Джейкобсона, стянув перчатки белого костюма биологической защиты. — Как они так могут?

— Потихе, коллега! У них отличный слух! — Джейкобсон даже втянул голову в плечи. — Не удивлюсь, если после её визита мы сможем поклониться одному из предков.

— Зал памяти уже три месяца стоит опечатанным. Неужели она привезла восприимчивика?

— То-то же! И помалкивайте, если не хотите остаться с ней наедине.

— Профессор Джейкобсон, мы готовы. Переходим в зал памяти, но по дороге заглянем к выпускникам. — Голос раздался над головами учёных, заставив всех вздрогнуть. — Номера капсул для транспортировки я вам отправила на комм. Соберите операторов и проверьте оборудование. Надеюсь, часа вам хватит?

— Да, госпожа, всё будет исполнено! — ненавидя сам себя, Джейкобсон вновь против воли назвал её этим унижительным для него словом. Ещё чуть-чуть — и кланяться начнёт!

Кавалькада гравитационных платформ углубилась в тоннели подповерхностной базы, миновала научный и жилой сектора и остановилась на обзорной площадке над полигоном, где тренировались будущие выпускники. Госпожа Кун долго наблюдала за тем, как воспитанники применяли техники, и одобрительно кивала, если кому-то удавалось особенно хорошо сконцентрировать энергию.

Огромный пещерный зал был наполнен мерцающими сгустками энергии, разбивавшими стальные мишени белыми вспышками. Между ними вспыхивали зеленоватые защитные поля, отражая случайные брызги. Даже через толстое стекло чувствовалась низкая вибрация воздуха в зале.

— Гармония звука, госпожа.

— Хорошо, я довольна, — она развернулась к юноше из своей группы. — До, спустись в зал. Хочу удостовериться, что ты готов.

Следующие пять минут ожидания прошли в полной тишине. Десять воспитанников в зале отошли к дальней стене, оставив троих в центре площадки.

— Они могут применять любые техники и, как только увидят противника, не должны ждать команды. Передайте им. — Требовательно объявила госпожа Кун.

— Слушаюсь, госпожа! — профессор постарался не скрипнуть зубами.

Стоило только посланцу госпожи пересечь границу полигона, как всё сразу закончилось. Это было совсем не зрелишно. Трое воспитанников факультета замерли, а потом встали на колени, покачались и один за другим завалились набок. К ним тут же метнулись медицинские боты.

— Надо работать над скоростью реакции. — Женщина явно потеряла интерес и развернулась к выходу, обронив вполголоса: — Хотя это возможно только на следующем уровне.

Платформы покинули смотровую ложу и вскоре, миновав массивные ворота, влетели в тёмную пещеру, украшенную огромными барельефами трёхпалых фигур, смутно похожих на людей, и молчаливыми, так и не разгаданными надписями.

Госпожа Кун стремительно приблизилась к центру зала, где на небольшом возвышении стояли в ряд три массивных саркофага из камня, чем-то напоминавшего нефрит. Казалось, они светятся изнутри, но на самом деле такой эффект создавало неяркое сияние, струившееся от самой платформы. Саркофаги были опутаны кабелями энергопроводов, уходившими к трём современным медицинским капсулам. Вокруг них уже расставили и подключили капсулы из библиотеки.

Женщина бережно прижала ладони к первому каменному параллелепипеду и несколько минут стояла так, прислушиваясь к себе. Затем повторила похожее на ритуал действие у двух других саркофагов.

По её команде от группы сопровождающих отделились трое и, не смущаясь присутствия посторонних, разделись и устроились на ложах медицинских капсул. Крышки мягко опустились, а в зале наступила тишина.

— Начинайте, профессор Джейкобсон. — Тихий шёпот продрал до костей. — И да, я отобрала себе двух помощниц. В прошлый раз, к сожалению, пришлось прервать регенерацию. Подготовьте мне порфировый зал.

Глава 1

Первый контакт с кораблём. Недели тренировок на тренажёрах закончились. Сегодня последний день на суше. Завтра первый пробный вылет в полном составе экипажа. «Мганга». Красивый и мощный. Из неведомых глубин веков дошла эта традиция — разговаривать с конём, с оружием, чтобы не подвели, помогли, выдержали. Так-то, конечно, и с кухонным комбайном можно поговорить, особенно если он сломался, но тут другое. И в этом есть глубокий смысл. Ты начинаешь чувствовать металл, его внутреннюю энергию, сложное переплетение токов совершенного механизма, а он — тебя и запоминает как часть себя.

Сначала касание. Внешне — шероховатый металл корпуса, покрытый термохромной краской. Казалось бы, ничего необычного — всё как у того же «Клестанга» или «Роя». Но стоило потянуться к обшивке, как рука ощутила мягкое сопротивление экранирующего поля. Пришлось чуть-чуть поднадавить, и ладонь, преодолев барьер, звонко шлёпнулась на толстую кожу этого бизона. Композитная броня на ощупь ничем не напоминала жестяную хрупкость гражданских кораблей. Созданная из слоёв однокристалльных и волоконных сплавов, экранированных керамической чешуёй, она была рассчитана выдерживать колоссальные перепады температуры даже при прямом попадании плазменного разряда.

Я стоял и прислушивался к кораблю, пропуская ощущения через пальцы. Так нас учили, и здесь не над чем было смеяться. Это только кажется, что всё просто: пошёл, сел в кресло пилота, воткнул разъёмы и дальше всё сделает автоматика. Да, спустя пять минут я буду чувствовать этот корабль через нейросенсоры как свои пять пальцев, но сейчас важно было правильно начать.

Корпус пропускал меня всё дальше за защитные рубежи, пока я не ощутил горячие жилы энергопроводов и звенящие нервы информационной сети, а где-то вдалеке тимпаном отозвались ритмичные всполохи силовой. В базе нейросети «Мганги» ещё не было моей биометрики, и управляющий искин меня не знал. И это было ценно — первая независимая синхронизация моих биоритмов и волнового контура сложного изделия. Я дождался реакции биополимерного слоя подкладки комбинезона. В одно мгновение по телу прокатилось ощущение, будто на меня вылили ведро воды: тонкая мокрая ткань облепила каждую клеточку кожи. Готово! Активация управляющего контура прошла без нейросенсоров! Теперь я знаю свой новый корабль в состоянии благополучного покоя, если так можно назвать готового к прыжку и полного сил тигра.

— Где ты этому научился? — Ко мне со спины незаметно подошёл Джебб. — А я-то удивился, куда ты после завтрака рванул — даже кофе пить не стал.

— Капитан, мне повезло познакомиться с одним старым астронавтом на верфи, где я начинал мусорщиком. Мне хватило усердия просто внимательно слушать. — Я развернулся на ступеньке трапа перед входом в корабль.

— Ну да, ну да! — Он стоял на рифлёном полу ангара в двух шагах от лестницы, но даже так его глаза были на одном уровне с моими, и мне ничего не оставалось, кроме как выдержать его прямой взгляд. Он недоверчиво фыркнул. — Ты ещё скажи, что курсы по биоэнергетике в монастыре Шаолинь заканчивал.

Он помолчал, разглядывая меня, а потом щелчком пальцев по браслету комма отправил сообщение.

— Лови коды и заходи.

— Капитан! — Я не торопился исполнить команду. — Мне предстоит служить под вашим началом, и мы будем работать в одном экипаже. Я прошу вас не сомневаться, что мои знания и навыки будут применены только для выполнения ваших приказов и задач нашей миссии. Я высоко ценю ваше доверие и приложу все силы, чтобы его оправдать.

— Принято. Я не собирался лезть тебе в душу, но ты сказал правильные слова, и мне стало спокойнее. — Капитан Вунгу блеснул фирменной белозубой улыбкой, показывая, что инцидент исчерпан. — Пойдём принимать корабль. После обеда посмотрим на тебя в деле.

Штатные процедуры авторизации и аудита, тестирование бортовых систем и куча прочих важных и полезных дел, неизбежных при первом знакомстве с кораблём, действительно заняли всё время до обеда. В столовую мы, собственно, даже не пошли, заказав ланч-боксы прямо в ангар.

За едой Алёна начала было увлечённо рассказывать о новых регулировках полоидального² поля в плазменных турелях, способных отправлять разряд на дальности до 1200 км, но, увидев наши молча жующие физиономии, попробовала сменить тему — на особенности абляционной тактики применения лазерных турелей. Её энтузиазм был очень заразительный, и нам с Джеббом, конечно, всё это было интересно, но поддерживать разговор с набитым ртом мы не могли. Сочная, тающая во рту шаверма полностью захватила наше внимание. На пару минут главной задачей стало не заляпаться.

Алёна успевала виртуозно расправляться с коварным блюдом и совмещать приятное с полезным. Пока мы доедали, она, по сути, успела сделать форменный доклад, сообщив в конце, что бортовые гравитаторы не настроены и необходимо дождаться прибытия штатного техника.

Джебб отправил запрос и тут же получил ответ из штаба Корпуса: техник присоединится к экипажу через три дня, а пока мы будем нарабатывать навыки пилотирования и ограничимся имитацией стрельбы.

Покончив с формальностями, он демонстративно щедрым жестом раздал нам по пластинке жевательной резинки с логотипом Планетарного Корпуса на этикетке, где был изображён первый спутник Земли, и объявил получасовой отдых. Не вставая с места, африканец вытянулся на диване, закинул ноги на спинку соседнего кресла и, как мне показалось, мгновенно уснул.

Я тоже откинулся на спинку и закинул руки за голову, намереваясь вздремнуть минут пять-десять. Тут на визоре глазных линз мигнул значок письма. Давно я писем не получал! Точнее, давно письма через фильтры Кая не прорывались. В последнее время он переключил на себя всю переписку с юристами и бухгалтерами, а указания умудрялся получать у меня, пока я зубы перед сном чистил. Я развернул визор перед собой и невольно обратил внимание на Алёну.

Она подобрала ноги под себя и тоже уютно устроилась в кресле напротив, повесив визор коммa перед собой. Уж не знаю, случайно или намеренно, но мне стала видна половинка экрана, на которой мелькнула голограмма Кирилла Белькова в новенькой форме капитана-лейтенанта военно-космического флота.

На нашем курсе все давно знали, что Алёна неровно дышит к Кириллу, но тут налицо был прогресс в отношениях, и я порадовался за друзей. Кирилл был моим соседом по кубрику последние три года до окончания училища, и какие только передраги курсантской жизни мы с ним вместе не прошли. Видимо, я задумался и не успел отвести взгляд. Таким меня и застала Алёна, когда неожиданно оглянулась через плечо. Я сдержанно ей улыбнулся и уставился на свой визор.

Письмо пришло от Фрица. Это был полноценный разбор участия нашей команды в гонках и, в частности, моего пилотирования. Фриц между строк дал понять, что не сердится на молодого и неблагодарного пилота, который ни слова не черкнул, когда добрался до базы. Оказывается, друзья успели сообщить ему о моём приключении и о том, в каком состоянии «Ийон» прибыл на станцию Корпуса. За его ворчанием читались радость от того, что я выжил,

² Полоидальное поле — генерируется током в самой плазме. В результате силовые линии закручиваются в спираль, и частицы не уходят к стенкам.

и немалая обеспокоенность происходящим. Он категорически запрещал мне высовываться до Кубка Лунной Траектории со станции Стражей и приложил несколько любопытных ссылок на местные блоги станции «Гвиана-500».

В первом молодёжь активно обсуждала захватывающие перспективы, которые открывались перед счастливицами, успевшими пройти собеседование на недавнем конкурсе. Группа учёных отбирала талантливых пилотов для какого-то закрытого проекта. В приложении от Фрица к этому блогу я нашёл несколько снимков «учёных», и в моей душе шевельнулась тень нехорошего предчувствия. Предчувствие окрепло до уверенности в опасности и отозвалось знакомым леденящим покалыванием в затылке, когда я просмотрел ссылки до конца и наткнулся на экран удалённого из сети сообщения.

Гигантский шар межпланетного колонизационного корабля класса «Голиаф» стартовал с Земли и провёл некоторое время на орбите Луны, после чего покинул спутник предположительно по направлению к Марсу. Время его отлёта с Луны удивительным образом совпало с исчезновением преследовавшей меня «Барракуды». Вот тут мне резко расхотелось спать, а под ложечкой засосало, как будто я только что и не ел ничего.

Я прикрыл глаза и сделал вид, что задремал, но как бы смешно это ни звучало, на неожиданное появление Алёны я посмотрел теперь совсем под другим углом. «Она точно не андроид, просто не прошла бы медосвидетельствование в корпусе, но никто не может поручиться, что она не клон», — мысль пугала своей простотой, а после сообщения о «Голиафе» я легко поверил и в такой масштаб комбинации. «Методики кодирования тоже нельзя сбрасывать со счетов. На уровне хозяев жизни — как часто, пусть и иронично, называли «Совет-500» в наших политинформациях, — нет ничего невозможного. Надо быть очень осторожным».

Противное ощущение зверя, на которого открыли охоту, медленно пробралось в голову и начало там обустриваться всерьёз и надолго. Желание написать запрос Михаилу отпало сразу. Наши коды не предполагали такого обмена информацией. Светить свои опасения, пусть даже эзоповым языком, в переписке, которую могли перехватить на ретрансляционном узле Корпуса, означало спровоцировать реакцию противника. Противника, о котором я ничего не знал, но уже был почти подавлен его мощью. Это мне сильно не нравилось. Но необходимо было признать очевидное — если бы Алёна оказалась здесь в рамках моей миссии, то в любой момент, когда мы оставались наедине, могла обменяться кодами доступа. Так что выходило, что их у неё просто нет.

Я поблагодарил и успокоил Фрица как мог и даже приложил подробный отчёт инженерной службы о ремонте «Клестанга». Работы должны были закончиться на следующей неделе. Мысленно я несколько раз порывался написать письмо Михаилу или отправить непринуждённое фото нашего экипажа, но каждый раз отбрасывал эту идею.

Джебб проснулся бодрым, и мы с головой окунулись в предстартовую подготовку. Алёна с неиссякаемым энтузиазмом гоняла свои модули, а я пытался побороть неожиданно навалившуюся заторможенность. Может быть, поэтому капитан Вунгу в наш первый вылет даже не предложил мне установить соединение пилота, а только гонял меня как штурмана. Мы сделали несколько витков по орбите базы Корпуса и картографировали динамику мусорных дебрей на ближайших высотах. Даже вид Антарктиды меня не взбодрил. Джебб пристально на меня поглядывал, и я вспомнил его вопрос на вечеринке: «Не появился страх залететь по новой? Второй раз будет тяжелее отмываться!» Как некстати совпало!

Я не признавался себе поначалу, но с этого момента во мне действительно поселился страх. Страх ошибиться. Работа отвлекала, и к концу дня я, усталый и довольный, ввалился в свой кубрик, где меня ждала слегка одуревшая от замкнутого помещения Перчинка. Хотя, наверное, я преувеличиваю: выпался зверёк, да и только. Я бы и сам с удовольствием оказался на её месте, оставив за дверью все проблемы. Приняв душ, я растянулся на койке, но сон не

шёл. Джебб дал недвусмысленно понять, что завтра мой выход. Он хочет видеть моё пилотирование.

Чтобы хоть как-то настроиться на сон, я решил провести ревизию текущих дел. Главная моя задача — сохранить инкогнито и заступить на службу в экипаж рейдера «Перун» — как ни странно, оказалась в зелёной зоне по моей внутренней шкале. Ни суд, ни шумиха, поднятая вокруг нас с Юнби на гонках, ни даже два покушения сами по себе не выглядели как препятствия для выполнения миссии. Подумаешь, кто-то решил меня вальнуть — неприятно, но бывает. Оставалось только выжить и добраться до верфей «Китеж». Там уж точно мне ничего не будет угрожать, а след Алсы затеряется на многие годы.

Внутренняя бравада — это хорошо, но я действительно не видел связи между покушением, недавним боем и своей основной миссией. Ведь если бы хотели нанести по-настоящему серьёзный удар — залили бы инфополе разоблачениями и так меня отполоскали, что только у деда на Валдае можно было бы спрятаться. И то не вылезая из чулана с вареньем.

А вот задача выжить переместилась на второе место, вполне обоснованно потеснив все тайны Вселенной и загадочный резонанс с венерианской аномалией. Немного утешало, что у меня явно есть поддержка Михаила и пусть небольшая, но всё же отсрочка до основных гонок Кубка. Чуть больше двух месяцев я мог спокойно служить в Планетарном корпусе, а за это время что-нибудь прояснилось бы или изменилось. Я был почти на сто процентов уверен, что мой противник горит желанием отомстить за захват убежища в горах Станового хребта. Однако его странная связь с «Голиафом» никак не выходила из головы и каждый раз, когда я об этом думал, отзывалась дурным предчувствием. И это, пожалуй, было самым тревожным звоночком. Ничего, кроме того, что надо быть начеку, я придумать не смог. Ждать и наблюдать. Как хороший стук в движке — обязательно вылезет, главное — чтоб не одним метким ударом по затылку.

«Мелковато для «Голиафа»! Или я что-то упускаю?» — я встал и сделал несколько дыхательных упражнений. Сна не было ни в одном глазу, но думалось легко, и это было ценно.

Раньше мной двигало настоящее любопытство первооткрывателя — хотелось разобраться с таинственными сигналами энергетической аномалии в верхних слоях атмосферы Венеры. Конечно, к этому добавлялось горделивое чувство избранности и исключительности, смешанное с опасением раскрыться перед официальной наукой — слишком неконтролируемыми могли быть последствия. Даже тайна линзы на солнечной стороне Венеры хоть и выходила далеко за пределы моих возможностей, но не требовала немедленного вмешательства. Теперь же, особенно после знакомства с Юнби и того, что мы с ней пережили, я и вовсе не спешил погружаться в эту загадку глубже.

«Юнби наверняка не отпустит этот вопрос на самотёк. И я не должен чувствовать себя обязанным хранить “верность”. В конце концов у неё свой канал и свой резонанс, а у меня — свой, и они разные, хоть и взаимодействуют друг с другом каким-то необъяснимым образом», — незаметно для себя я устроился на кровати, как обычно перед сеансом связи с моей иномирной визави. Перед глазами была серая стена, едва различимая в тёмном кубрике. Дыхание выровнялось. Я скользнул в состояние покоя и потерял счёт времени, пока перед закрытыми глазами не разгорелся знакомый розово-коралловый бутон Перчинки. Почти сразу передо мной развернулся маркер канала аномалии, и я ощутил знакомое тепло радости встречи. Дальше всё произошло быстро и резко, как щелчок бича.

Я увидел себя со стороны, стоящим на утёсе над рекой Кун-Манье, и тут же снова пережил всплеск энергии: укол в голове отозвался толчком в мышцах всего тела. Маркер аномалии расцвёл протуберанцем нежного розового цвета с синими прожилками, полностью слившись с цветами Перчинки, а затем меня стремительно втянуло в стоящую на утёсе фигуру Александра Вихрова и перед глазами мелькнуло видение из нашего первого контакта.

В туманном, пыльном оранжево-бордовом мареве, на границе света и тени, нёсся человек в космическом скафандре, падая в смертельном прыжке. От поверхности планеты ему навстречу поднималось розовое облако, пронизанное тёмно-синими росчерками разрядов неведомой энергии.

Утёс начал крошиться у меня под ногами, и пришлось отскочить от края, разрывая контакт.

«Хоть чуелом, хоть тушкой, но меня ждут на орбите Венеры!» — я вытер пот и неожиданно ощутил, как стало холодно в кубрике. Накинув термоплед, я вызвал Кая на бэш: «Что там, старина, с резонансом? Наблюдал?»

«Да, босс. До начала контакта был зафиксирован незначительный естественный прирост гармонизации. Однако после вхождения в биоэнергетический резонанс отмечаю существенный прирост. На текущий момент условно-постоянная гармонизация канала с объектом «Перчинка» составила 36,5%, а с неустановленным объектом «Аномалия» — 14%.»

Я поёжился под пледом, осознавая, что меня просто вытолкнули из контакта. Не то чтобы мне были не рады — напротив, на этот раз я ощутил искреннюю надежду и какую-то особенную нежность и заботу. В момент расставания добавилась щемящая нотка тоски, как если бы любимая провожала меня надолго, но верила, что я скоро вернусь. Не хотелось думать, что так провожают перед боем, но слишком быстро родилась эта ассоциация, а в нашем общении такие ощущения не бывают случайными.

Пусть большой ясности моя ревизия текущих дел не дала, но общая тревожность сменилась осознанием угрозы, и это неожиданно принесло спокойствие. Выпив полчашки горячей воды, я лёг и усилием воли заставил себя заснуть. Завтра первый вылет.

Мне приснилась Юнби. На капитанском мостике. Она вглядывалась в иллюминатор, за которым угадывалась Венера, и как будто шептала мне: «Не входи в контакт. Контролируй себя!» Лицо её было напряжено. Она отдавала какие-то команды, вокруг суетились люди, но её слова звучали непрерывно, как молитва: «Не входи в контакт. Где бы ты ни был».

* * *

— Капитан, выхожу на орбиту 362 два ноля по вектору 3. Наблюдаю группу из пятнадцати объектов на удалении от 1000 км. Выравниваю скорость. Подвожу группу дронов «альфа».

— Зарядила облако 4-35. Готова отклонить. Есть разряд.

— Капитан, выполнена коррекция, один-пятнадцать.

— Мангуст, расставляй зонды. Дистанция сто пятьдесят.

Со стороны могло показаться, что «Мганга» зависла над несколькими спутниками, уловив момент, когда они сблизились и образовали компактную по орбитальным меркам группу. Спустя несколько секунд небольшие зонды зафиксировались на их корпусах, расталкивая разношёрстную компанию по новым траекториям.

— Отлично поработали. Давай на базу. «Метла», прикрывай, — капитан Джебб тут же залил новые данные в каталог Корпуса и запустил обновление. — Осталось работы на один день. Доразметим сектор, и штабные наконец построят план рейда.

— Я тут посчитала: граватор даст мгновенное сжатие, и нам даже взрыв реактора на спутнике не страшен, если мы уйдём в ускорение. Но по ёмкости накопителей нужен запас процентов тридцать. Надо будет ставить запасную батарею, если инженеры утвердят. Капитан, одобряешь заявку? — Алёна развернулась в кресле и скинула расчёт на центральный пульт.

— Тут так не работает, Альёна. Это новый тактический приём, и надо его сначала в оперативном штабе утвердить. Подготовь тактический макет и расчёты приложи. Вечером на разбор сходим к нормам. Промоделируют, и если одобрят, на эскадрилью растиражируют.

Наш борт-стрелок тут же погрузилась в расчёты, прикидывая, какой эффект вызовет массовое применение граваторов на орбите.

— Капитан, а по восьмому сектору, где нам два дрона сбили, ответа нет?

Два дня назад у меня случилась первая потеря — мы столкнулись с агрессивным поведением спутников, у которых электроника сошла с ума. Не хотелось думать, что это открытое противодействие.

— Молчат пока, но сегодня Душан установит замену. На склад поставка пришла.

Душан присоединился к нашему экипажу несколько дней назад. Наш новый техник, невысокий шуплый мужчина лет тридцати пяти с коротким ёршиком рыжих волос, оказался неунывающим парнем и без конца травил анекдоты, запас которых был поистине неиссякаем. А уж я со своим курсантским прошлым, где добрая шутка ценилась как рюмка водки — дико извиняюсь за эту фривольность, — мог оценить его репертуар с пристрастием.

Первым делом техник проверил настройки бортового вооружения. Ко всему прочему он оказался толковым оружейником и аттестовал нас на предмет допуска к применению генератора гравитационных волн. Граватор обладал колоссальной мощностью и позволял целенаправленно деформировать заданный объём пространства по тому же принципу, что и квантовые ускорители.

Корабль встал в док. Стоило только подать атмосферу после очистки корпуса, как сервисные боты ринулись к «Мганге», словно заправщики на гонках. Мы завершили послеполётные процедуры и покинули рубку. Нам навстречу деловой походкой шёл старший техник, протягивая капитану открытую ладонь для традиционной отбивочки.

— Пост сдал!

— Пост принял!

— Ну как, Алёна, испытала новую игрушку? — Он подмигнул на ходу нашему борт-стрелку. — С таким щелкунчиком ты теперь первая принцесса на балу.

— Капитан пока не разрешает. — Она покорно вздохнула. — Говорит, что к нему метла в комплекте должна идти. У тебя не завалилась?

— Там скорее пинцет понадобится. Поговаривают, на испытаниях даже алмазы находили после применения. — Он загадочно усмехнулся и нырнул в люк корабля.

Коридоры базы встретили нас деловой суетой. Казалось, на станции не осталось ни одного тихого уголка. Пилоты и техники прибывали каждый день, а вылеты на слаживание, а теперь ещё и на маркировку группировок спутников, не прекращались даже условной ночью. Призыв закончился вчера, и то, скорее, потому, что база оказалась не резиновая. Три штатные эскадрильи Корпуса, объединив силы нескольких государственных аэрокосмических группировок, превратились в полноценный флот, насчитывавший около сотни орбитальных штурмовиков-перехватчиков.

Джебб махнул нам на прощание рукой и убежал на совещание в штаб, а мы оказались предоставлены самим себе, по крайней мере, на ближайший час — до ужина. Мы поболтали с Алёной о предстоящем рейде, общие контуры которого начинали вырисовываться из логики подготовительных мероприятий. Она убежала готовить тактический макет применения граваторов, а я отправился в лаундромат привести комбинезоны в порядок.

— Алса! Ты ещё в душ не залез? — Джебб ухмылялся во все тридцать четыре зуба с экрана визора. — Тут тебя в штабе хотят видеть. К тебе гость.

Глава 2

В штабе меня ждал незнакомый страж, готовый проводить на встречу с каким-то офицером. Его костюм лишь смутно напоминал форму пилотов Корпуса. Для вестового на посылках он выглядел странновато: что-то в его облике скорее напоминало ливрейного слугу.

Дежурный офицер подвёл меня к провожатому и передал увольнительную на сутки, заверенную Джеббом, но я всё равно связался с капитаном.

— Алса, у нас тут штабные игры объявили. Сводим тактический план рейда. Так что у вас с Альёной — выходной. Проверьте готовность «Мганги» и отработайте граваторы на тренажёре.

— Тут мне увольнительную на день выписали. Ты в курсе в связи с чем это?

— Да, распоряжение командора Льюиса. Что-то по твоим приключениям на перелёте с Луны. Ответишь на пару вопросов, и завтра с утра на «Мгангу».

— Слушаюсь, командир! — без особого энтузиазма откликнулся я, выключая связь.

«Понятно. Служба безопасности или разведка за меня наконец взялись — следовало этого ожидать». Я развернулся к стоявшему с отсутствующим видом провожатому и закинул рюкзак с комбинезонами для стирки на плечо.

Мы зашли в стволовой лифт станции, но вместо того, чтобы опуститься на жилые уровни, где располагались казармы всех стражей, кабина неожиданно для меня метнулась вверх. Сопровождающий схватился за поручень и жестом посоветовал повторить его действие. Я исподволь разглядывал спутника, пытаюсь угадать по его внешнему виду, кто меня пригласил на встречу. Любопытство разгоралось по мере того, как мы поднимались всё выше, а на табло кабины погасли обозначения верхних этажей. Постепенно накатывала тошнота, характерная для гравитационного рубежа, и я порадовался, что ещё не успел поужинать.

Через пару минут лифт остановился, и двери открылись в небольшой зал под верхним куполом. На схеме базы верхний сегмент сферы был обозначен как технический блок с навигационным и радиолокационным оборудованием, но то, что я увидел, больше походило на переход стыковочного шлюза. За узкими, как средневековые бойницы, иллюминаторами угадывался силуэт корабля. Кай провёл быстрый анализ, но не смог идентифицировать звездолёт по базе Корпуса. Тем не менее на контурном макете передо мной вращался кастомный катамаран, классом не ниже крейсера. Между кольцами квантового ускорителя располагались спаренные блоки корпуса, прикрытые с боков щитами радиаторных панелей.

«Какой-то гамбургер с сосисками вместо котлет, хотя фиг такой укусишь». В глаза бросилась серая тень энергетического поля и кружащие вокруг дроны боевого охранения. Меня впервые кольнуло беспокойство: происходило что-то, выходящее за рамки нормальной службы в Корпусе.

Хотел было пролететь ближе к окну, чтобы разглядеть удивительный корабль поподробнее, но твёрдая рука сопровождающего подхватила меня за предплечье и направила в стыковочный шлюз. Прделано это было вполне миролюбиво, но настолько недвусмысленно, что я не стал обострять ситуацию или вступать в бесплодные разговоры.

За шлюзом нас подхватил челнок, и через пятнадцать минут я входил в кессон жилого модуля корабля. С манерами, достойными королевского дворцового, спутник жестом приказал следовать за ним и провёл через несколько кают, образовывавших подобие дворцовой анфилады. Невольно хотелось замедлить шаг и рассмотреть повнимательнее сокровища, мимо которых мы буквально пронеслись. Тем не менее я успел оценить рабочую атмосферу этого музея, где древности соседствовали с высокотехнологичным лабораторным оборудованием.

Стены в каждом помещении были закрыты белыми панелями со странными знаками, нанесёнными на манер китайских иероглифов. Некоторые из них светились, некоторые напоминали геометрические фигуры, но стоило сделать шаг, как их скрывала серая дымка, окружавшая стоявшие в нишах лабораторные шкафы.

Кай мгновенно срисовал некоторые надписи, но установить совпадения ни с одним известным образцом письменности не удалось. Я успел заметить сообщение, в котором помощник подсветил только три символа, отдалённо напоминавших надписи на обруче астробии, но и степень этого совпадения колебалась в диапазоне от пятидесяти до шестидесяти процентов.

Вдоль стен стояли накрытые серым куполом защитного поля столы с различными приборами и даже станками, над которыми перемещались расплывчатые фигуры, похожие на бестелесных духов. «Мистика какая-то, но меня определённо не случайно провели этим путём». Я постарался выровнять дыхание и вернуть себе душевное равновесие. Пульс за секунду подскочил до двухсот, когда в следующем зале я столкнулся с голопроекцией протуберанца в цветовой гамме моей венерианской визави. Рядом светило ещё с десяток голопроекций различных цветовых сочетаний, а перед каждой был установлен прибор, по виду — миниатюрный орган. По костям в такт неведомой вибрации, наполнявшей зал, побежал неприятный зуд. Пришлось даже приоткрыть рот — так зачесались зубы.

«Кай, резервируйся в АЯС, срочно». Это единственное, что я успел сказать на бэш, когда мы наконец вошли в небольшой кабинет, и за нами схлопнулась диафрагма двери, отсекая неприятное гудение. Одновременно с хлопком двери за спиной пропало ощущение помощника. Нейроинтерфейс комм деактивировался, и комбинезон повис пыльным мешком на плечах. Я замер в тишине пустого помещения, обводя взглядом многочисленные книги на полках с корешками на неизвестном языке. Между полками стояли замысловатые фонарики, которые переливались всеми цветами спектра.

«Дорогая Екатерина Матвеевна, пишу вам, потому что выдалась свободная минутка...» Колени самым предательским образом подгибались, но каждый выдавшийся мне вздох тишины я использовал, чтобы освоиться и до конца осознать, как глупо залетел в ловушку. Страх, который на меня накатил, был сильнее обыкновенного страха смерти. Я отчётливо понял, что здесь можно потерять что-то большее, чем жизнь. Но тут же в груди всколыхнулась какая-то бесшабашная вольница смертника. Стало ясно: без меня меня женить не получится. Убить — да, можно, а вот заставить погибнуть — нельзя. В чём разница, объяснить я ни тогда, ни позже так и не смог. Но достаточно было это почувствовать. И это само по себе стоило того, чтобы здесь оказаться.

В шаге передо мной раскрылись створки диафрагмы, и из люка в полу поднялось кресло, напоминавшее капсулу пилота на капитанском мостике. Развёрнуто оно было спинкой, и я пропустил момент, когда из него поднялся худощавый мужчина в полиморфном комбинезоне, менявшем форму и цвет на моих глазах. Кресло скрылось в полу, а из такого же люка в потолке опустился вполне себе такой человеческий стол, заставленный закусками, фруктами и чем-то ещё, источающим аппетитный аромат, сквозь тонкие сеточки ресторанных клошей. Из открывшихся ниш в стене гравипузы выдвинули два деревянных кресла и аккуратно разместили с обеих сторон стола.

— Классическое начало сцены «незванный ужин в гостях у сказки». — Он демонстративно резко плюхнулся в кресло, задев тонкую скатерть и чуть не сбив со стола хрустальный бокал с янтарной жидкостью. — Стереотипы — наше всё!

Хозяин ловко подхватил накренившийся бокал и одним слитным движением поднёс его к губам, отпивая грозящую пролиться жидкость. Пока он спасал скатерть, я успел немного рассмотреть его лицо. Впрочем, он тоже пристально меня разглядывал поверх бокала. Тонкое вытянутое лицо с высокими скулами, высокий умный лоб, нос с горбинкой, живые подвижные губы и глаза с ироничным прищуром. Почти седые волосы собраны в пучок на затылке.

«Локи безбожно косплеит, что ли? Грустно будет, если попал к богатому психопату, свихнувшемуся от свалившегося долголетия». Поставив предварительный диагноз, я немного успокоился, и это не укрылось от моего собеседника.

— Ты даже не представляешь, как тяжело знакомиться с новыми людьми. Не противно, нет — однообразно бессмысленно. — Он с любопытством заглянул себе в тарелку, совсем чуть-чуть приподняв купол. Потом резко опустил крышку и рассмеялся. — Нет, ну это уже издевательство! Но вся эта хрень, похоже, в честь тебя! Сам посмотри!

Он откинулся на высокую спинку кресла и скрестил руки на груди, ожидая, пока я сяду и сам посмотрю в тарелку.

— Давай, давай! — Он дважды кивнул подбородком в сторону моего места, подбадривая меня скорее садиться. Было видно, как его распирает от смеха, но он сдерживается и ждёт, когда я присоединюсь к веселью. — Ужин сегодня с меня, раз уж ты его пропустил по моей вине.

Я сбросил навалившийся ступор и, как мне показалось, под скрип окаменевших суставов, слышный даже моему собеседнику, сел за стол. Стоило пальцам прикоснуться к ручке клоша, как палуба под ногами вздрогнула и отозвалась лёгкой вибрацией, передавая толчки маневровых двигателей. Корабль отваливал от станции Стражей.

— Мы тут недалеко прогуляемся. У тебя всё равно выходной, — непринуждённо ответил он на мой вопросительный взгляд, а потом опять указал подбородком. — Ну же, зацени деликатес, который нам сегодня в твою честь подали на ужин!

Он прищёлкнул пальцами от удовольствия, когда я поднял крышку и рассмеялся следом за ним. На тарелке лежала двойная порция отварных сосисок с пюре и консервированным горошком. Было действительно смешно, но не понять намёк тоже было невозможно.

— Налетай и не парься. Давай выпьем за знакомство! — Он протянул мне кубок и, когда мы чокнулись, многозначительно добавил: — Алса!

— Благодарю за угощение, но как я могу к вам обращаться? — Мой голос прозвучал глухо, как со дна бочки.

— Хочешь, называй меня профессор Челленджер! — Он отпил ещё янтарной жидкости и пристально посмотрел на меня. — Тем более что ничего другого я тебе не предложу.

Только тут я заметил, что у него разноцветные глаза! Зелёный и синий. Что-то резко кольнуло в руку, и я заметил отлетающий дрон размером с горошину.

— Без паники на Титанике! — Мой хозяин примирительно поднял руки ладонями ко мне, а потом прикрыл глаза на долю секунды и совсем другим взглядом посмотрел на меня. — Ага, ну вот и всё окончательно встало на свои места. В принципе, ужин окончен, кто не успел — я не виноват.

Не знаю, что меня поразило больше: наглость, с которой у меня только что взяли материалы на анализ, резкий переход на серьёзный тон или то, что он внезапно заговорил по-русски.

— И как твоё настоящее имя? — Не обращая внимания на только что объявленное завершение ужина, он с аппетитом принялся за сосиски, которые и вправду оказались очень сочными и натуральными.

— Мама с папой Александром кликали, — нехотя выдавил я, оставляя себе лазейку для отступления, и тут же занял рот делом.

— Правильно, покушай. Гость, разделивший трапезу с хозяином, не может пострадать в его доме. Сильный лайфхак, между прочим. Если бы не это, человечество переродилось бы куда как раньше. Потеря конвертации энергии за нарушение — колоссальная!

«Поразительно, что он рассуждает о таких вещах, как о само собой разумеющемся. Это приглашение к разговору? Но тут я мало чем могу поддержать беседу» — вслух же я спросил, решив взять быка за рога:

— Куда направляется корабль? Надеюсь, не навстречу тем, кто от меня сбежал не так давно?

— Ха! Ты не выглядишь как человек, которого действительно волнует ответ на этот вопрос! — Он отложил приборы и вывел сбоку от стола визор с капитанского мостика, на котором наш корабль проделывал странные эволюции. Корпус катамарана разделился, после чего одна половина с верхним кольцом устремилась вдаль, а вторая просто пропала с экранов. Не дав вникнуть в суть перестроения, псевдопрофессор ошарашил меня неожиданным вопросом: — А ты действительно приготовился к смерти?

— Всё когда-нибудь заканчивается. Имеет значение только то, как именно это произойдёт.

— И ты уже сделал этот выбор? Ты знаешь, как именно это должно произойти? — теперь в его голосе звучал неподдельный интерес.

— Это не относится к привычному конкретному знанию — скорее к области ощущений.

— Да, трудно от такого, как ты, ожидать более точного ответа.

Он не выглядел разочарованным, но именно разочарование попытался изобразить следующим вопросом.

— Может, ты ещё веришь во всякое такое про коллективное благо и общественные ценности?

— Как человеку мне, конечно же, своя рубашка ближе к телу, но как член общества я не могу не понимать важность его развития.

— А тебе не всё ли равно, как оно будет развиваться? Отчего бы тебе не считать себя частью общества, а, наоборот, общество — частью твоего мира.

— Эгоцентрично до крайности и, как всякая крайняя точка зрения, ущербно. — Разговор меня забавлял, потому что напомнил мне дискуссионный клуб при комитете комсомола в училище.

— Это зависит от твоего уровня в иерархии. Ты явно не готов к власти. Даже не буду тебя спрашивать, что бы ты сделал, имея власть хотя бы над своей жизнью и судьбой, — наверняка у тебя нет ответа.

— Так вроде мы уже об этом поговорили? Тот, кто имеет власть над страхом своей смерти, тот имеет власть и над своей жизнью. Разве не так? — Я сдержал желание дерзко улыбнуться. Ну его, а то ещё возомнит преподавать мне урок смирения и заставит перед смертью все круги ада в той же вирт-капсуле пережить — с такого станется. Всё же я не был уверен до конца, что передо мной не какой-нибудь психопат.

— На твою долю выпало слишком много приключений за последние полгода. Не находишь? Может, ты что-то странное за собой замечал?

— Мне просто повезло. Мне просто повезло не растеряться в сложной ситуации и не упустить свой шанс.

— Хватит юлить! — Это не прозвучало как гневный окрик, но я почувствовал, что вечер перестаёт быть томным. — Ты знаешь, почему ты здесь?

— Нет, уважаемый профессор, и теряюсь в догадках, где я на самом деле.

— Я стоял у истоков создания Корпуса. Когда несколько дней назад кто-то на базе активировал канал биоэнергетического резонанса, все данные сенсоров уже через час были у меня на борту. Ты не понимаешь, в какую приливную волну закинуло песчинку твоей судьбы.

Он замолчал, а я все силы бросил на то, чтобы не поморщиться от острой боли, пронзившей лоб над бровями. Против моей воли перед глазами выкатился маркер канала с аномалией. Розово-коралловые переливы протуберанца, казалось, подёрнулись серой плёнкой и медленно сжимались в точку под чужим давлением. Боль отступила так же внезапно, как и пришла. Я снова начал дышать, понимая, что ничего скрыть мне не удалось, а туман перед глазами так и не рассеялся.

— Пока не знаю, зачем мне это надо, но если хочешь, то я за тобой понаблюдаю. Помогу в развитии. Одному тебе не справиться. У тебя устойчивый резонанс. И твоя клада нужна моей сестре.

Я ощутил себя лабораторной крысой для генетических экспериментов. Пытаясь унять головокружение и справиться с потерей ориентации, я почти не видел собеседника и, наверное, поэтому огрызнулся сильнее, чем хотел.

— А что ваши мама с папой скажут? — Режущая боль в глазах не проходила, и единственным желанием было просто закрыть их и заснуть.

— Не будь дураком, мы с ней, хвала всем силам мироздания, не родня. — Он встал и прохаживался где-то по кабинету, а у меня не было сил даже повернуться следом за ним. — Ты действительно ещё ничего не понимаешь, поэтому и внятно рассказать никому ничего не сможешь.

Он остановился прямо за спиной, и я почувствовал, как костяшки пальцев ударили по моим вискам.

* * *

Очнулся я в капсуле медцентра базы Планетарного Корпуса. Первым, что я увидел, было обеспокоенное лицо Душана, моего соседа по кубику, на плече которого сидела Перчинка.

Редкое дело — обычно после капсулы просыпаешься свежий и беззаботный, как младенец, а тут общее состояние было такое, будто побывал под катком древнего асфальтоукладчика или меня в лаундромате простирали.

— И как я сюда попал? — Слова и мысли путались. Мельком я обратил внимание, что у медицинского искина базы по физическому здоровью нареканий нет, но не это занимало меня больше всего. «Интересно, сохранились ли контрольные логи на комме? Как восстановить провал в памяти?»

Душан помог мне спрыгнуть с ложа и протянул незнакомый комбинезон. Пока я натягивал одежду, в голове всплывали отрывки сна, который мне снился в медкапсуле. И это тоже относилось к категории «неочевидное и невероятное». В капсуле сны не снятся — научный факт. Тем более такие высокохудожественные.

Душан дождался, когда я оденусь, и только потом ответил, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Помощник-искин вызвал бригаду медботов в твой «Клестанг». Ты вчера вместо ужина и прачечной отправился инспектировать «Ийон» после ремонта. Видимо, нейросеть дала какой-то сбой во время тестирования, и ты потерял сознание. Биополимерная подкладка почти вся выгорела.

— Который час? — я понимал, что за его дружеской заботой стоит вполне оправданное любопытство, но не готов был с кем-либо обсуждать визит на борт странного корабля.

— Четыре часа утра по бортовому времени станции. — Душан спокойно снял Перчинку с плеча и погладил, как своего домашнего питомца. — Хочешь, я провожу тебя к «Клестангу»? Внутрь не полезу, но визит с техником будет выглядеть логичным.

Предложение было дельным и удивительно точно совпадало с тем, что я и сам был намерен немедленно предпринять.

— Спасибо, дай мне пару минут собраться с мыслями. — Показывать своё нежелание идти с ним к «Ийону» не хотелось, но и разумного повода отказать я не находил, тем более что он сказал: «внутрь не полезу». Подозрительная тактичность.

Мой комм лежал на тумбочке перед входом, и я с облегчением увидел, как над ним мелькнул огонёк свёрнутой визуализации. На душе стало теплее, но вместе с тем проснулась тревога за судьбу Кая. В каком состоянии я его сейчас найду? Момент в кабинете профессора,

когда помощник пропал, я помнил отчётливо. А Протей? Каким образом я оказался в кабине «Ийона», что я там делал? Вопросы тесно переплетались с обрывками воспоминаний.

Самым неприятным было ощущение, что во мне капитально так покопались. После кабинета, где мы ужинали, я очутился в кресле одного из пилотов на мостике катамарана. Там со мной происходили очень непонятные вещи. Я показывал Юнби контакт с аномалией и держал её руку у себя на плече, как в тот раз, когда мы были вдвоём на корабле. Только в этот раз я ей мешал, а её рука давила мне на плечо, и ужасно болела голова. Успокаивало, что протуберанец иномирной визави я не помнил, хотелось надеяться, что его и не было.

Рука предательски дрогнула, когда я зафиксировал браслет комм на запястье и уткнулся в меню базовой активации. «Девственно чистый экран и меню настроек на восемьдесят семь страниц». Незаметно для себя я произнёс эту фразу биоэнергетическим шёпотом, где-то внутри надеясь, что «Кай», несносная заноза, отзовётся.

И тут же вспыхнул вопрос: «А как я попал на «Ийон», если биометрические идентификаторы персонального комм обнулились?» По телу прошла леденящая волна мурашек. «Меня полностью взломали и продублировали? Теперь где-то по базе или на борту катамарана сумасшедшего профессора ходит полная копия Александра Вихрова с настройками аватара Чжана Алсы и всеми логами, кодами доступа и, не дай Бог, ещё и личными воспоминаниями?» Даже пошутить сил не осталось. Мозг не мог охватить масштаба проблемы. «Сучий потрох!»

О том, чтобы откладывать визит на «Ийон», если это всё ещё «Ийон» с Протеем, и речи быть не могло. Я развернулся к Душану и тут же пожалел об этом. Он даже не скрывал, что по моему лицу обо всём догадался. Перчинка курлыкнула и перепрыгнула с его рук на своё излюбленное место у меня на плече.

— Душан, я должен сходить сам. — Комм тренькнул заводским сигналом о поступившем сообщении, а следом высветилось служебное уведомление. «Невозможно отобразить сообщение. Не установлен протокол шифрования. Обратитесь к поставщику услуг». Что бы это ни означало, скрывать сообщение смысла не имело, и я развернул перед ним экран визора.

— Бесперспективняк! — Он жизнерадостно улыбнулся. — Тут даже Шарику зимой ничего не обломится.

Я невольно рассмеялся, вспомнив анекдот про животных на ферме.

— Ну вот, пациент уже не мёртвый. — Удовлетворённо кивнул наш техник и решительно развернулся к выходу. — Догоняй, не тормози. И не в такой жопе обои клеили и интернет проводили.

Стоило мне попасть в ангар, как возникло ощущение узнавания, словно я ушёл отсюда минут пять назад. Настойчиво фонила мысль, что был я тут один. Забавно! Именно это и наводило на подозрение: «не один». Внешний шлюз «Клестанга» был открыт — простое касание сенсорной панели разблокировало дверь, правда бронированный щиток пришлось рукой приподнимать. Душан, как и обещал, остался у ворот ангара и уселся на бочку при входе, насвистывая какую-то песенку про морячку, которая ночью по ошибке не мужа обнимала.

Я добрался до рубки и с грустью перешагнул комингс, так и не услышав привычного приветствия. Вообще все системы находились в пассивном режиме ожидания. Стоило потянуться к нейросенсорным разъёмам, как всё тело мгновенно отозвалось памятью о боли. «Это что же со мной тут вчера делали?» Я подсоединился к бортовой сети и активировал нейросеть. «Мощно! Всё на заводских настройках. И ни следа моей модернизации... Вот черти лупоглазые! А это-то им зачем понадобилось делать?» — я ковырялся в инженерных модулях, с удивлением отмечая нестыковки между реальным оборудованием, мощность которого я раскачал процентов на тридцать, и управляющим софтом. В логах стояла только одна дата. Вся память до вчерашнего вечера была уничтожена и что-то мне подсказывало, что это вряд ли сделали ремонтники Корпуса.

— Судя по твоему виду, до батареи одни яйца доехали? — первым делом спросил Душан, когда спустя час я выбрался к нему на условный перекур. — А не хрен сраную жопу об ковёр вытирать — не будут и наждачку стелить.

— Фу, как грубо! — усмехнулся я в ответ. — Это ты меня котом назвал?

— Да, тут ты, пожалуй, прав! Это я о ситуации в целом и о себе в частности. Протупил я несколько дней, надо было раньше с тобой поговорить. — Он покосился на перстень на моей руке. — «Моль»?

Я с каменным лицом уставился на него: если знаешь, то чего спрашиваешь.

— Пойдём, проверим последний шанс. — Техник ловко спрыгнул с бочки и выудил из нагрудного кармана плоскую коробочку, над которой развернулся стандартный интерфейс сканера. — Наши малыши жуть какие живучие. Попробуем найти в шинах закапсулированные остатки колонии, если повезёт. Кстати, тебя я уже проверил, — ты чистый. Всё дерьмо, если и осталось, то только в мозгах, а никаких подселенцев нету.

Мы провозились ещё час, почти до самого завтрака. Наконец очередь дошла до ядра резервного процессора силовой установки. Он был полностью отрезан от сети корабля, магистраль передачи данных вокруг него изобиловала горелыми проплешинами и физическими обрывами. И вот тут удача нам наконец улыбнулась.

За выжженными участками сканер Душана обнаружил биологически активное ядро нанокolonии. Пришлось ему довериться и синхронизировать наши коммы, иначе ключ колонии было не разблокировать. Минут пятнадцать мы переписывались с ядром на ассемблере, продираясь сквозь базовые настройки защиты и идентификации, и если бы не базы данных нашего техника, сам бы я никогда так глубоко не залез.

— Я тебе говорю, что нас спасут! — Пьяный в хлам звездочёт запихнул записку в пустую бутылку, запаял её неведомо откуда взявшимся сургучом и выкинул за спину в бушующее море.

— Н-ик-ет, это я тебе первый сказал! Ик! — Кай в трусах и свёрнутой из рубашки бандане откупорил очередную бутылку вина. — Слушай, а может, на фалернское перейдём, а? А то от этого бургундского уже изжога!

— Давай тогда Примитиво лучше! — Звездочёт или восточный мудрец покачал остроносой туфлей на большом пальце ноги.

— А нету! Ик! Мы его выпили ещё пятьсот тыщ триста импульсов назад, когда ионистор ещё не сел. Ты тогда позорно заснул, пока я на биоэнергетику нас не переподключил!

— Что бы я без тебя делал! Дай я тебя поцелую! — Стариковские руки потянулись через пластиковый стол с нехитрой закуской из бананов, а Кай нервно отшатнулся, так что под ним качнулся чурбачок от пальмы, на котором он сидел.

— Но! Но! Разное, конечно, говорят про мужчин, оказавшихся на необитаемом острове, но босс не оценит, если у нас до такого дойдёт! Давай следующую!

Оба сидели под палящим солнцем, а тень от пальмы, под которой они, видимо, первоначально устроились, уже уползла чуть ли не на другую сторону.

При виде этой картины мы с Душаном заржали, чем и спугнули робинзонов — мой комм мигнул и тут же ушёл на перезагрузку.

Перед тем как покинуть возвращающийся к жизни «Ийон» с кристально трезвым Протеем на борту, я заглянул к себе в каюту. Душан уже ждал меня снаружи, оформляя очередной заказ на ремонт слаботочных сетей, а я первым делом открыл сейф и достал коробку с капитанским бластером. Личное оружие было на месте, но больше в сейфе ничего не было. Древняя астролябия пропала. И среди обрывков воспоминаний я не находил даже намёка на то, что сам её доставал.

Глава 3

Следующее утро началось с торжественного построения всех экипажей, участвующих в рейде. На этом собрании командор Корпуса, пятизвёздочный генерал Бертолетти, назвал нас сынками и дочками, а потом поставил задачу устранить угрозу, нависшую над родной планетой, не дожидаясь, когда произойдёт самопроизвольное разрушение геостационарного кладбища отслуживших своё спутников. Или, не дай боже, прилетит метеорит апокалипсиса и Землю закупорит каскадное разрушение от его случайного, но меткого попадания.

Целью рейда была исключительно геостационарная орбита. Генерал особенно подчеркнул международную значимость нашей миссии как символа объединённых усилий человечества в космосе. Удобных слотов для размещения спутников на ГСО с учётом безопасного углового интервала было не так уж и много, немногим больше пятисот, и все они уже были заняты, а очередь расписана на многие годы вперёд.

Помимо работающих спутников по орбите шатались спутники-зомби, которые не успели вовремя увести на орбиту кладбища, а в неустойчивых долготных точках скопились естественные свалки. После нашей рекогносцировки геостационарной орбиты и кладбища, условно располагавшегося на двести-триста километров выше, в каталоге Корпуса числилось более 25 000 идентифицированных аппаратов и несколько тысяч «подкидышей» без маркировки, переставших откликаться даже на примитивные запросы серийного номера.

На прощание генерал ещё раз по-отечески нас благословил и напомнил, что если мы не справимся с задачей, то в недалёком будущем Землю ждёт глобальная катастрофа. Любой взрыв на геостационарной орбите мог не только вызвать коллапс систем связи и навигации на Земле, но и повлечь бомбардировку нижних орбит мусорными потоками. В общем, нагнал жути до дрожи в коленках и без всяких «может быть».

Вдохновлённые его пламенной речью, мы разошлись на брифинг по эскадрильям. Штатно в составе Корпуса числилось тридцать орбитальных штурмовиков, сведённых в три эскадрильи. Ежегодно каждое государство-участник выделяло несколько кораблей и экипажей для прохождения службы в Корпусе. В рамках международного рейда общее число удалось довести почти до ста машин, которые разделили на десять отрядов под руководством опытных пилотов из числа стражей корпуса. Наш экипаж попал во вторую эскадрилью, которой командовала Мира Мора.

Команды набились в небольшое помещение кают-компаний нашего сектора, и все активно обсуждали предстоящий вылет, ожидая начала брифинга. Капитан Вунгу, привыкший служить под началом Алефа, так до конца и не смирился с распределением и теперь сидел нахохлившись, не обращая внимания на жизнерадостные шуточки Душана.

Наш техник умудрялся шутить сразу во все стороны, но особенно его внимание было приковано к симпатичной Бьянке, которая пилотировала ни много ни мало, а самый настоящий «Мазератти». Кстати, парочка таких орбитальных перехватчиков была заявлена на предстоящих гонках Кубка Лунной Траектории, причём от имени топовых гонщиков.

Вчера вечером мы ходили к нормам на разбор тактики применения граватора, а заодно «Сокольников» внесли в штатное расписание. За это время Душан как-то умудрился впечатлить гордую итальянку, да так, что мне, как в старые добрые курсантские времена, пришлось полночи кимарить в кают-компаниях. Рядом с ним сидела Алёна, которая после посещения группы оперативно-тактического ситуационного моделирования не вылезала из комм, шлифуя настройки генератора гравитационных волн.

Я огляделся и впервые с тех пор, как очнулся в медкапсуле, почувствовал, что меня отпустило. Родная атмосфера боевого братства, открытые и доброжелательные лица, непринуждённые шуточки и ироничная бравада. Как мне всего этого не хватало последние недели.

Ещё вчера после обеда от физических последствий моего приключения не осталось и следа. Пользуясь увольнительной, я провёл два часа на спарринг-площадке сектора. Реакция, контроль энергетических полей, координация — всё это лучше всего проверялось на ринге. Заодно и мозги прочистил.

Есть вещи, которые от меня зависят, а есть те, которые не зависят. Сейчас я принял это разделение и чётко держал под прицелом вторые. Незапланированный вечер «в гостях у сказки» — как-то так назвал нашу встречу профессор Челленджер — чётко показал моё место в иерархии игроков. Само имя было насквозь выдуманным — в этом я не сомневался. Где-то я даже был благодарен за то, что он так явно изъясился обмолвкой. Это многое объясняло. Его обмолвки про сестру тоже многое поставили на своё место.

Я был почти уверен, что «Голиаф» по мою душу с места стронулся, и на «Ийон» напали в погоне за обручем со старинной астробии. Аномальный контакт, с которым я игрался последние месяцы, для них светился как алмаз в навозной куче. И мне надо становиться сильнее, если я не хочу быть мальчиком для битья — страшно подумать, что будет, если я попаду в руки к его «сестре». Простым «бобик сдох» там дело не ограничится — ну не готов я пока свои органы или, как профессор сказал, генную кладу на алтарь их экспериментов закладывать. А сделать это я смогу, только попав на орбиту Венеры, — по крайней мере, там я надеялся получить ответы на свои вопросы.

Оставались открытыми два вопроса. Как попасть к Венере? И что происходит с Юнби? И на оба у меня пока не было ответа.

— Бойцы!

Гул в зале мгновенно смолк, и все встали, приветствуя нашего командира. Мира махнула рукой, предлагая всем садиться, и без раскочки начала брифинг.

— Кратко. Не желая допускать до ГСО частные клининговые компании, государства и корпорации кое-как достигли компромисса и выдали нам международный мандат доверия. Планетарный корпус несёт ответственность за всё, что произойдёт на орбите следующие два месяца, пока мы не разгребём эту навозную кучу. Я буду требовать беспрекословного подчинения стражам со стороны любого национального экипажа. Никакой несогласованной инициативы. Запомните: мы — минёры, а не пилоты-истребители или гонщики.

Она обвела всех пристальным взглядом.

— Я запомню, Корпус запомнит, стражи запомнят вклад каждого, но и нарушения дисциплины — тоже.

Она выдержала короткую паузу. Народ сидел посмурневший. Слово Корпуса для космонавтов значило практически всё. Ни один экипаж тебя не примет, если получишь чёрную метку у Стражей. Даже полы мыть в наземной техничке не подпустят. Убедившись, что её услышали, она раскрыла за своей спиной тактический визор с картой геостационарной орбиты. Обзор сфокусировался на сегменте кладбища, где подсветка выделила более десяти крупных скоплений спутников.

— Теперь по работе. Нас сразу отправляют на разбор кладбища. Внизу будут работать экипажи с меньшим налётом. Сектор Омега-7. Командирам принять полётные задания. Даю пятнадцать минут подготовить план полёта. Сегодня обсуждаем очно. С завтрашнего дня — передислокация на орбиту. В нашем секторе работает советский краулер «Терешкова». Время пошло!

Теперь, глядя на Джебба, я понял, почему он был так недоволен последние дни. Выпучив глаза, он лихорадочно обрабатывал полётное задание.

— Кэп, копию, пожалуйста, мне. Дам референсный мод.

Мне на визор упал пакет файлов, и мы с Каем его мгновенно растащили по курсантской тактической раскладке. Нам нарезали зону ответственности в нижнем сегменте. Следующие семь минут я сосредоточенно маркировал векторы, цели, рассчитывал скорости и раскладывал углы и средства атаки. Полётное время было ограничено десятью часами. Большую часть времени пришлось заложить на оттаскивание спутников к контейнерам краулера, где их принимала трофейная команда для сортировки, контроля пассивации и последующей утилизации.

Тикнул внутренний таймер задания, и мы поменялись планами с капитаном. Я с удивлением отметил, что он начал с мусорного облака, расположенного хоть и с краю, но в опасной близости к трём малогабаритным спутникам без маркировки. Тактический выигрыш был очевидным: поле приходилось каждый раз облетать. Но риск смещения облака вглубь нашего сектора был очень высоким. Требовалась запредельная точность манёвра, чтобы избежать наезда облака на зомби-спутники. Как они себя поведут, если их сагрить, из технической справки было непонятно.

Джебб быстро проанализировал мой план и посмотрел с немимым вопросом.

— Капитан, решение за тобой. Берусь вытащить дронами три потенциально опасные спутника, чтобы расширить буферную зону, если по твоему сценарию пойдём. Но надо принять риск несанкционированной дефрагментации.

Джебб задумался. Я не торопил. Таймер отсчитывал последние пятьдесят секунд, когда он внёс правки в план и скинул его командиру. Мне упала копия. Моя копия.

* * *

Русские обычно не убивают из мести или для назидания. Если вовремя покаяться и продемонстрировать готовность к сотрудничеству, то могут даже смертельный приговор отменить, хотя в последнем Ван Юань уверен не был. В том, что советские спецслужбы сели ему на хвост и теперь он покойник, если что-то не предпримет, — вот в этом он был уверен. И в том, что его просчитали и устроили засаду, выставив приманкой старенький «Клестанг» с боевым мехом на борту, — тоже. Но кое-что не укладывалось.

Вскрытый контрабандный прииск сам по себе был большой потерей, но гораздо хуже, что они получили ниточки к теракту на орбитальном лифте, и вот этого уже не простят — это однозначный приговор. Бывший глава успешного филиала триады, отработавший десятки лет в свободной экономической зоне острова Русский, успел хорошо изучить своих противников, и если бы они точно знали, что за взрывом, где погибли люди, стоит Юань, то он бы не ушёл. Значит, русские ожидали, что он погонится за этим пилотом, так удивительно похожим на того паренька, который штурмовал убежище, но не ставили целью захватить его самого — Ван Юаня. И это оставляло надежду, что приговора ещё нет и есть шанс успеть отвести неминуемую угрозу.

Тренер подхватил гриф с груди мужчины, закрепил его на стойке и протянул свежее полотенце. Юань встал, расправляя плечи, утёр пот и, не глядя, бросил полотенце обратно. Впервые за последние несколько дней он почувствовал, что мысли стали выстраиваться в какое-то подобие плана. По дороге в душ, проходя мимо груши, он нанёс пару сильных ударов ногами и с удовлетворением отметил, что к нему возвращается сила молодого тела. Тренировка закончилась, и его ждали дела, но в голове упорно билось противоречие: как избежать приговора и при этом выполнить приказ госпожи.

Чем вызван интерес госпожи Тэнлю к этому китайскому пилоту с русским прошлым, для него так и оставалось загадкой. Возможно, если он это поймёт, то сможет найти выход из ситуации. Пока задача захватить его живым казалась невыполнимой. Более того, это вообще выглядело как добровольная попытка сунуть голову в петлю, из которой он как раз хотел выбраться. Сейчас его враг отсиживался на базе Корпуса, где его было не достать, но даже там можно было

попытаться от него избавиться. Пилоты Корпуса чистят кладбище геостационарной орбиты, и принципиально возможно раздобыть их полётные задания и выяснить, на каком корабле и в каком секторе работает его враг. А дальше дело техники: не так-то трудно купить коды одного из заброшенных спутников на чёрном рынке и имитировать несчастный случай. Устранить — да, но не захватить.

Кулаки Ван Юаня сжались, и он пожалел, что рано ушёл из спортзала, когда вспомнил позорное бегство со своего корабля, в результате которого потерял не только новую яхту, но и служанок, которые обошлись ему как ещё одна «Итернити». И тут даже под струями горячего душа его пробил озноб.

«А что, если служанки не уничтожены вместе с кораблём? Что бы сделал я, обнаружив таких свидетелей?» Ван Юань даже дышать перестал. «Да я бы вырезал и выпотрошил все их мозги, но любой ценой утащил бы с собой!»

— Лиан! — Его крик перекрыл шум воды. — Тухлые яйца!

Помощница зашла в душевую в тонком халатике, который практически не скрывал её идеальную фигуру, но пальцы так и замерли на верхней пуговице при виде разгневанного босса.

— Срочно! Свяжись с этим пройдохой Митчеллом! Он уверял меня, что «Матрикс» гарантирует абсолютную конфиденциальность при использовании их изделий. Пора корпорации доказать это!

— Господин! Какие вводные и какие распоряжения я могу ему передать?

— Не передать, а потребовать! — Ван Юань лихорадочно соображал, стоит ли раскрывать, что девушки-андроиды могут быть в чужих руках. Ведь тогда их воспоминания могут стать предметом торга.

Видя замешательство хозяина, секретарь-андроид без труда выстроила цепочку вокруг производителя кастомных андроидов, с которым они сотрудничали несколько лет.

— Если сообщить ему, что контроль над телами андроидов утрачен, то он может предложить предложить свои услуги тому, кто согласится заплатить за содержание мозгов этих девочек. Если через него разместить запрос корпорации на форматирование управляющего искина, то это, хоть и более нейтрально, но всё равно заставит его задуматься о причинах нашего желания. Резервные логи в корпорации наверняка есть, и он сможет их раздобыть. Мы могли бы запросить обновление интерфейса, но для этого нужно иметь к ним физический доступ. Похоже, любой вариант проигрышный.

— Митчелл своей жизнью клялся, что из служанок ничего не достать! И ему за это придётся ответить!

— Предлагаю начать с самого нейтрального. Не обращаемся к Митчеллу, он всего лишь агент. Я запрошу статус операционных обновлений за последнюю неделю. И если там есть отметка об установке, то мы получим косвенное подтверждение, что где-то андроиды подключились к сети. Большого нам корпорация всё равно не раскроет.

— Хорошо, запроси. И готовь флаер, мне надо быть в Серебряной гавани через полчаса. — Гнев уже улетучился, но мерзкое ощущение собственного бессилия осталось.

Ван Юань врубил ледяную воду. Память андроидов не могла служить прямым доказательством в суде, но иногда этого и не требовалось. Через час он встречался со старшим сыном и наследником клана Чон, и ему очень не хотелось делиться информацией о возможной утечке.

В парковочном шлюзе отеля было многолюдно, и Ван Юаню пришлось приложить огромные усилия, чтобы улыбаться и не выдать встречным вновь охватившего его бешенства. Лиан сообщила, что все три андроиды подключались к сети базы Планетарного Корпуса, но потом были переведены на консервацию. Впрочем, он надеялся, что к моменту, когда прибыл на виллу Чон, ему удалось восстановить обычную невозмутимость.

— Вы чем-то обеспокоены, уважаемый мистер Ван? — Молодой господин Чон хоть и был с головой погружён в предстоящую свадьбу, но не упустил случая продемонстрировать, что унаследовал от отца не только проницательность, но и деловую хватку. — Надеюсь, это не отразится на наших планах? Не хотелось бы терять время, поджидая отстающих партнёров, когда надо будет двигаться вместе и быстро.

— Да, небольшие тени прошлого, но они не затмевают свет намеченных целей. Я помню и готов выполнить свою роль. — Ван Юань присел за невысокий стол и аккуратно двумя руками принял протянутую чашку с освежающим хвачхэ. — Корпорация «Млечный Путь» готова к слиянию с чеболем Тен. Я завершил все необходимые назначения. Как только ваша свадьба состоится, мы объявим о расширении производственных мощностей и начнём забирать все концессии в астероидном поясе.

Чон Андон обвёл холодным взглядом просторную гостиную, где они расположились, и на секунду задержал взгляд на слуге, замершем у дальней двери.

— Хорошо. Хочу вас познакомить с моими новыми друзьями. Как вы понимаете, нет смысла жениться на старшей внучке главы клана Тен, если наследницей всё равно станет другая. И этим нам надо будет заняться.

Ван Юань вздрогнул, когда увидел троих молодых людей, вошедших в зал. Что-то неуловимо знакомое было в их фигурах, что-то, что напомнило ему Небесный дворец госпожи. Два молодых человека и девушка, одетые в длинные одежды до пола с широкими рукавами, скрывавшие сложенные перед собой руки, словно парили по полу.

— Вот ваши новые сотрудники, уважаемый Юань. — Андон довольно улыбнулся и сделал ударение на последнем слове в следующей фразе. — Они теперь будут вас сопровождать постоянно.

— Благодарю! Умные и исполнительные помощники всегда большая ценность. Могу ли я узнать, какова их роль и на что я могу рассчитывать?

— Конечно, мой друг. Но не ждите и не требуйте от них многого. Их главная задача — быть с вами рядом. До определённого момента. — Андон говорил скупой, короткими фразами. — А потом они уйдут.

— И всё же, в чём их роль?

— Скажем так. Вы обязаны будете прибыть в их сопровождении на финальный банкет после гонок Кубка Лунной Траектории. И, конечно же, обеспечить их комфортное пребывание рядом с вами всё это время. В остальном они вам сами подскажут.

Глава 4

Постепенно работа наладилась, и даже появилась какая-то рутина. Первые вылеты мы делали с базы Корпуса, но очень скоро над поясом Кларка выстроился целый город тяжёлых транспортников — орбитальных краулеров, куда мы и передислоцировались. Практически над нашей головой, всего в паре тысяч километров, кипела совсем другая жизнь: там достраивали трибуны и готовили доки для гонок Кубка Лунной Траектории, а у нас ударными темпами монтировались фермы для сортировки и консервации спутников. Десятки буксиров и сотни ремботов готовили первый в истории человечества мусорный караван, который предстояло отправить по околосолнечной траектории на сожжение. Идея так себе, но опускать этот многотонный ворох мусора на планету и вовсе пахло самоубийством. Утилизировать же мы пока не умели.

— Зафиксировано!

— Отсоединяюсь. — Дроны один за другим снимали магнитные фиксаторы и возвращались на подзарядку.

Я повторно просканировал негабаритный «зомбачок», который плотно прилип к захватам платформы консервации, и отправил подтверждение пассивного статуса диспетчерам. Это был пятый спутник за сегодня, который мы дотащили до станции «Сортировочная». Преимущественно мы разгребали самую окраину и вытаскивали относительно простые цели — старые и нетяжёлые модели, обладавшие ферромагнитными элементами.

— Сегодня ещё ждать или уже на базу? — Фрол под конец смены всегда любил поболтать в надежде собрать компанию в баре краулера, на который мы перебрались несколько дней назад.

— Пройдёмся по ловушкам Алёны, а там видно будет. Может, на композит зайдём.

— Удачи, если что, вечером я на второй палубе, как обычно. Сегодня «Зенит» — «Ливерпуль»! Приходите. Химички обещали быть! — И я отчётливо представил, как он мечтательно закатил глаза, предвкушая весёлую вечеринку.

Я усмехнулся, но отбил ему огонёк в чате и доложил капитану, что передача завершена.

— Капитан, груз доставлен, диспетчера подтвердили разворот.

— Мангуст, заряжайся. Метла, готовность один, идём по касательной от седьмой до тринадцатой.

Я увидел, как у Алёны загорелись глаза в предвкушении — не хуже рыбака перед зорькой, а когда-то нос воротила от таких разговоров, но напоминать ей, понятное дело, о таком не стоило. Просто показал оттопыренный большой палец.

Три дня назад мы расставили пару десятков тиксотропных ловушек, и теперь использовали каждый заход, чтобы натолкать туда начинку. Проходя вдоль фронта мусорного облака, Алёна обстреливала мусорные скопления ионными зарядами низкой мощности, заставляя их мигрировать в нужном направлении. Мелкие, до десяти сантиметров, частицы врезались и намертво застревали в микрочайках огромной аморфной лепёшки, в которую после сотен соударений превратилось ядро ловушки.

— Восьмую пропустила. Только единичные цели лазером отработала. Там эволюция облака расходится с прогнозом. Не стала рисковать — оставила на следующий заход. Надо понаблюдать, — отрывистыми фразами доложила борт-стрелок между залпами.

— Мангуст, сканируй дебри и сделай перерасчёт по восьмой. — Джебб уравнивал скорость, смещая траекторию.

— Седьмая, девятая, тринадцатая — наполнение от сорока до шестидесяти процентов — в норме. Десятая и двенадцатая больше восьмидесяти. Завтра можно снимать, хотя я бы лучше сегодня сняла.

— Подтверждаю, есть риск пересечения с мусорным потоком из сектора Мю-9. — Чтобы оценить угрозу разрыва ловушек в случае переполнения, я быстро пролистал список пересекающихся потоков, который занимал два экрана.

— Ну что, ребята, тащим навигационный ящик, а потом меняем ловушки или только ловушки? Всего час до конца смены остался — придётся задержаться.

Нам по плану на сегодня оставался ещё один старый навигационный аппарат какой-то бразильской телекоммуникационной компании, которая разорилась лет двадцать назад, но и ловушки оставлять было нельзя. Тем более что надо было упредить новый поток и выставить новую партию ловушек на его пути. «К ударному труду нам не привыкать, только вот у меня Перчинка в каюте сидит некормленная». Мы, как и большинство экипажей, перегнавших корабли на краулер, безвылазно в них и жили. Сил после вылетов оставалось только на сон и даже на выходных, которых, к слову, ещё не было, выбираться куда-то не хотелось.

— Капитан Вунгу, запас топлива в норме. К работе готов. — Сначала я, а потом и Алёна подтвердили новую задачу.

— Отлично. Штаб одобрил изменение, — через несколько минут откликнулся Джебб и раскидал нам обновлённый полётный план, по которому мы сначала вытаскивали бразильский гроб, а потом возвращались за ловушками.

«Кай, запроси прогноз погоды в доме. Что там нас ждёт ближайшие тридцать часов?» Меня царапнуло какое-то смутное тревожное чувство. «Что-то я упустил с утреннего брифинга. Особенно обрати внимание на коронарные выбросы и протонные события».

Мы уже зацепили полутонный спутник, и я сосредоточенно дирижировал квартетом дронов, плавно выводя груз из скопления, когда смутное сомнение наконец оформилось в чёткую логическую цепочку.

«Кай! Утренний брифинг. Периферийные мусорные потоки. Вчерашний коронарный выброс массы. Прогноз пересечения с потоками в секторе Мю-10 и Мю-11. Анализ. Срочно». Я всё же отвлёкся, и один из дронов не смог погасить инерцию трёхметрового шкафа.

Буксируемый аппарат закрутился и, как назло, поймал пару пролетающих мимо ошмётков не пойми чего. Судя по образовавшимся дыркам в корпусе спутника, это могли быть и обыкновенные болты. Я мысленно выругался, потом прочитал короткую благодарственную молитву и облегчённо утёр пот.

— Алса, внимательнее! — Джебб мгновенно срисовал сбой. — Что там у тебя?

— Капитан, вероятность интерференции потоков в секторе Мю-9 выросла до 37%. Ударная волна коронарного выброса массы достигнет периферийного сектора Мю-11 через сорок минут. Мю-10 останется практически в покое, его выброс обойдёт. Расчётное время пребывания Мю-11 под воздействием ударной волны составляет 250–275 минут, далее интерференция накроет Мю-9. Локальная пиковая скорость фронта по сектору вырастет до 25 км/с. — Параллельно я скинул Джеббу и Алёне подготовленный Каем расчёт.

— У нас нет времени делать два рейса. Мбая кифару! — Джебб завернул виртуозную фразу про заднеприводного носорога, но его взгляд не переставая метался по тактическому визору, а пальцы отплясывали кирумбизи на виртуальной клавиатуре.

— На борту семь тиксотропных и десять эластомерных с графеновыми лентами. Можем закинуть в расчищенные буферные зоны? — Алёна быстро среагировала на новые вводные.

— Штаб оценил риск переполненных ловушек. С учётом роста насыщенности потока Мю-9 из-за возможного соударения лимит заполненности — 50%. Остальные снять. У нас пять минут подготовить предложения. Метла, статус заполнения.

— Нам необходимо снять и вывести ловушки: седьмую, десятую и двенадцатую. Девятая — 48%, в допуске.

— Капитан, разрешите синхронизацию «Сокольников» с бортовым модулем управления дронами? Предлагаю разделиться. Вы меня десантируете здесь. — На тактическом визоре подсветилась точка входа. — Я нырну в проходы и расставлю в буферных зонах новые ловушки. Вы за это время выдвигаетесь к номеру седьмому и последовательно запускаете процесс кристаллизации на ловушках, которые надо снять. Подхватываете меня, возвращаемся, крепим дронами буксировочные тросы и снимаем ловушки. Сцепляем их в караван и выводим из зоны поражения. Если я не буду щёлкать клювом, то за три часа управимся.

— Альёна, как оцениваешь применение граватора?

— Просчитала комбинированную атаку: помещаю плазменный заряд в центр поля сжатия. По структуре частиц в ловушке прогноз выдаёт, что 70–80% просто испарим, процентов десять-пятнадцать сплавим до алмазной решётки, а ещё десять-пятнадцать процентов разойдутся небольшим абразивным штормом. Основной риск — удержать баланс энергии плазменного взрыва и гравитационного сжатия. Один залп может разрядить накопители на 85%.

— Алса, расчёт времени для сбора каравана аппаратным способом.

— От пяти до шести часов и два часа на выход из зоны поражения.

Джебб молча собрал расчёты, свёл отчёт и скинул в штаб. Пока ждали ответ, успели поднять спутник на пятьдесят километров над верхней границей кладбища и стабилизировать его скорость и угловое отклонение.

— Ребята, какое бы решение наверху ни приняли, оставляем спутник здесь и спускаемся обратно по касательной вдоль фронта массива. — Капитан повернулся к борг-стрелку.

— Альёна, приготовься облучать ловушки, похоже, расставить новые мы можем и не успеть. Вполне вероятно, что штаб будет ждать результата воздействия ударной волны на Мю-11, но нам в любом случае надо быть как можно ближе к исходной точке.

— Мангуст, открепляй буксировочные петли на дронах и после этого можешь идти в трюм, синхронизировать БРПК с корабельным модулем.

— Слушаюсь, капитан. — Решение было верным даже в условиях неопределённости. До этого мы работали с одной внешней нагрузкой за подход, и то — с помощью всех корабельных дронов. Опыта создания сцепки у нас не было, а времени вытаскивать мишени-липучки одну за одной на безопасную орбиту, как бразильский спутник, тоже не оставалось. По всему получалось, что кораблю предстояло держать вектор убегания от мусорного поля, а мне на БРПК вытягивать и подсоединять.

Проносясь мимо своей каюты, я преодолел соблазн на секунду заскочить и насыпать корм Перчинке, но послал ей самый пламенный привет, представив её милую мордашку. К моему удивлению, горностайка откликнулась, и перед моим взором опустился маркер канала в форме сердечка кораллово-розового цвета. Или мне почудилось? Вообще-то после визита на корабль профессора меня не покидало ощущение, что я стал лучше чувствовать канал с моей визави и с Перчинкой. Я остановился и вернулся на два шага к своей двери. «Прости, подруга, посидишь у папочки на работе. Мне так спокойней будет».

«Кай, как там у тебя, наблюдается ли естественный прирост ёмкости канала?» — метнул я помощнику вопрос, опуская Перчинку в люк «Сокольников» и глядя, как она юркнула на своё излюбленное место под ложементом пилота.

— Да, босс, аппроксимируя темп суточного прироста гармонизации резонанса с учётом короткого периода наблюдения в разрезе каналов, могу констатировать, что естественный прирост ёмкости наблюдается.

После того как я почти попрощался с этим всезнайкой-занудой, я был готов простить ему и не такие выкрутасы, и он, похоже, это чувствовал. Хотя чему тут удивляться, у нас с

ним на двоих одно сердце билось — гармонизация с этим куском нейроморфного всезнайства изначально составляла сто процентов.

— Кай! — рявкнул я уже в полный голос, задраивая люк и активируя бортовые системы боевого робота.

— И незачем так на меня орать, босс! — Он воспользовался тем, что нас никто не мог услышать в БРПК, и тоже перешёл на голосовой формат. В его голосе прозвучала такая боль, что мне стало неловко. Актёр погорелого театра!

— Старинушка, не тяни жилы! — Я крикнул от неожиданности: настолько болезненно прокатилась волна синхронизации нейросенсорной сети комбинезона с нервными окончаниями на теле. «Как будто кожу содрали черти на грёбаном корабле профессора!»

— Босс, я тоже выживал! Я вас понимаю, терпите. — Кай почувствовал мою острую реакцию на подключение комбинезона к управляющей сети меха и попробовал поддержать в своей обычной манере. — Кроме шуток. По каналу с объектом «Аномалия» темп прироста увеличился вдвое. Могу предположить пассивное одностороннее условно-постоянное подключение со стороны объекта. А с объектом «Перчинка» пропускная способность оценивается в 38,1% — почти полтора процента прироста за неполную неделю.

БРПК ожил, и мне стало не до нашего разговора. Как мне не хватало Протея на «Мганге»! Бортовая нейросеть была начисто лишена субъектной матрицы управления, а ролевой шаблон подключения первого пилота категорически отказывался анализировать ситуацию и учитывать последние распоряжения капитана. Пришлось заново запрашивать все подключения по формальной процедуре.

— Капитан, синхронизация выполнена. Прикажете работать удалённо или вернуться на мостик? — доложил я спустя двадцать минут.

— Пришёл приказ из штаба. Они получили обновлённый прогноз влияния ударной волны коронарного выброса. Решение такое: собираем караван, потом высаживаем тебя с ловушками в точке randevu «Альфа» и сваливаем. — На этом месте он хохотнул, а у меня на экране появилась тактическая карта с раскладкой задания. — Ты проходишь около пятисот километров, расставляешь ловушки и выходишь в точке «Омега», там тебя подберёт кто-то из штабных. У них сейчас все в разгоне — срочно снимают ещё под полсотни ловушек, так что даже командиры в седле. Загорелся таймер в углу экрана — «До пересечения потоков: 04:53:59:99».

— Есть, капитан! Готов приступить к исполнению обязанностей с удалённого рабочего места. — «Твою так перетак, а поподробнее штабные не могли про пересечение потоков написать? Остаётся надеяться, что «пелеринка» выдержит, если меня прополощет жёстким...»

— Кристаллизация начата. Осталось три минуты пятьдесят девять секунд. Фокус луча удерживаю стабильно, вращение мишени в пределах допустимого, — доложила Алёна и тут же добавила: — Вовремя вытаскиваем — уже 86% заполнения. Не так-то уж штабные на пятидесяти и перестраховались. Незаметно налипало.

— Алса, сможешь завести буксировочные тросы и одного дрона здесь оставить, чтоб концы подержал? Сэкономим время на обратной дороге... — Джебб вздохнул и отдал самую нелюбимую пилотами команду. — Экипаж приготовиться к частичной разгерметизации корабля.

Я представил, как ребята по очереди сбегали в кессон, где хранились скафандры, мысленно отсчитывая нормативное время. За пятнадцать секунд до истечения норматива капитан скомандовал:

— Мангуст, открыть шлюз.

— Есть! Внимание, начинаю отсчёт! — я запустил штатную процедуру разгерметизации грузового трюма, представляя, как по кораблю замигали маячки тревожной сигнализации, а Алёна и Джебб в неудобных скафандрах втискиваются в кресла и заново подключаются к бор-

товой сети. «Простите, ребята, вам теперь с этой новогодней иллюминацией всю дорогу сидеть, пока я не сойду, да ещё в скафах». Мера насквозь подстраховочная, но непреложная.

Первый комок липучки мы чётко кристаллизовали, второй пошёл сложнее. Когда мы подлетели, он уже вращался, пришлось потратить полчаса на стабилизацию. Пока Алёна его облучала, я вытащил буксировочные концы на дроне за условную границу мусорного массива, надвигавшегося на нас со скоростью 1,7 км/с. Дрон я поставил в лёгкую натяжку, накинув два процента тяги по вектору убегания. Стронуть ловушку он никак не мог, а вот двух процентов тяги вполне должно было хватить, чтобы не дать тросам провиснуть.

С третьей ловушкой пришлось повозиться дольше всего: она словила кусок разгонной ступени и чудом не развалилась. Тащить её было опасно, и пришлось укреплять, отправив дрон ставить эластомерные заплатки. В итоге у меня оказалось минус две ловушки. С одной стороны, это сэкономило время нахождения в буферной зоне, с другой — никак не сокращало путь.

Наконец мы плавно вывели огромную кляксу из надвигающегося фронта мусорной зоны и начали заходить на курс сближения с точкой, где предстояло подобрать вторую ловушку. Таймер бодренько отбивал секунды: «До пересечения потоков: 03:01:29:86».

Для стабилизации негабаритного прицепа я задействовал все дроны с корабля и даже подключил дроны огневой поддержки «Сокольников», навесив им буксировочные захваты. Интересно, как ребята без меня дотащат эту конструкцию, когда мы её целиком соберём?

Автоматически сработала вбитая годами привычка: раз уж я в БРПК, то и контроль пространства надо выставить штатными средствами боевого робота. Страховать я решил правую полусферу, внешнюю по отношению к мусорному фронту. Хотя, казалось бы, что оттуда может прилететь? А вот прилетело! Точнее, мы догнали. Разведчик засёк, как в сотне километров перед нами на пересекающемся курсе черепашит нечто, не обладающее магнитными свойствами, килограмм этак под двадцать, в окружении пылевого облака непонятного происхождения. Может быть, и проскочит мимо, но манёвр уклонения «Мганга» исполнить не мог по простой причине — гарантированно пролетели бы мимо точки, где нас ждал второй «пассажир». Времени на коррекцию с прицепом не оставалось.

— Капитан, добро даёшь? — запросил я разрешение на перехват.

— Твои действия? — Джебб тоже получил картинку с дрона-разведчика.

— Вижу только один вариант — выровнять скорость и поставить на одну орбиту с мусорным фронтом. Мы его уже картографировали, поэтому завтра-послезавтра включим в план и скорее всего сетью отловим, а пока пусть возглавит пелотон.

— Разумно. Выполнишь — прыгай сразу к точке, осталось двести км, подползаем.

— Есть! — И я шагнул в люк, придав небольшое ускорение меху толчком о затвор шлюза.

Меня тут же закрутило. «Теряю былую лёгкость! Итить колотить». Я выправился парой толчков маневровыми и лёг на курс к помехе. Земля оказалась под ногами, а передо мной раскинулось бескрайнее море тайги, как мы всегда шутили в училище. Потому что затяжной прыжок с парашютом над тайгой оказался страшнее, чем первый шаг в космос. Это было единодушное мнение курсантов со всех выпусков, так что учёные-психологи до сих пор этот феномен, наверное, изучают.

Квантовый скачок ускорением я выполнил на автомате, оказавшись в трёх километрах от цели. И тут вскрылись первые трудности. Модуль какого-то неопознанного спутника был живой! Там шла малозаметная на расстоянии слаботочная жизнь, а внешних повреждений не наблюдалось совсем. Облако, которое его окружало, оказалось газовой взвесью непонятного происхождения, и мне как-то сразу расхотелось ставить такой объект на орбиту маломощным плазменным разрядом, как я планировал раньше.

— Прощу помощь клуба! — Я коротко доложил свои наблюдения и подключил телеметрию на капитанский мостик «Мганги». Совещание длилось несколько минут, к нему подклю-

чилась и штабная группа. В итоге мне утвердили вектор и дистанцию атаки на поражение. «Вот кроважадные какие!» — я по-прежнему не хотел расстреливать спутник, сильно он мне не нравился. Вот чуйка прям на дыбы встала. Моё предложение прикрутить сигнальную ракету к корпусу и отправить спутник восвояси штаб даже в качестве шутки рассматривать отказался. По мне, так эта идея самая рабочая была. Не ракетой, конечно, но зацепить дроном и разогнать куда-нибудь к Альфе Центавра можно было бы попробовать. Но приказ есть приказ.

Я отлетел на десять километров, и бортовая система выдала точку прицеливания. Мне даже ничего нажимать не пришлось. Я проследил за росчерком плазменного разряда, и неопознанный гость вспух ослепительным шаром термоядерной вспышки. Вот как так-то! Ну молчали датчики, как рыба об лёд. Никакого фона не было! Логами клянусь! Хорошо, что с десяти километров этот фейерверк наблюдать пришлось, а не в момент, когда я ракету прикручивал бы.

Разлёт шлейфа осколков впечатлил, но слава Богу, почти 90% ушло во внешний космос. Мне осталось подчистить не больше двухсот ошмётков, но на это тоже пришлось потратить половину рабочего запаса топлива и тридцать с лишним минут.

Меня уже ждали. Если так можно выразиться: удержание корабля на месте, да ещё с прицепом, — тот ещё фокус. Джебб проделывал его виртуозно и молча матерился на суахили об камеру, страшно вращая вытаращенными белками глаз. Вторую ловушку я вытащил на движках БРПК, пристяжных дронах и морально-волевых. Стоило прикрепить её вторым вагоном, как оба прицепа начали разностороннее вращение. Физику процесса я не понял, но принял все меры для стабилизации, растянув обе ловушки дронами так, как даже бешеных слонов в древнем Колизее цепями не растягивали.

Так мы и полетели к третьей точке, а я улучил момент и нырнул на дозаправку в трюм. Баки маневровых движков грозились обсохнуть. Пришла в голову мысль взять запасной бак с собой в буферные зоны. И, не откладывая в долгий ящик, я загрузил две резервные ёмкости в заплечный короб. Встали как влитые, и я подивился предусмотрительности инженеров, хоть мы никогда на тренировках такой трюк не отрабатывали, да и в руководстве по эксплуатации об этом ни слова не было. Было, наверное, но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Пришлось признать, что Кай лучше меня матчасть знает.

Третью ловушку я вытащил и снова нырнул дозаправляться. Джебб поймал тягу на постоянном ускорении, что приструнило разнокалиберные центры масс наших пассажиров.

— Алса, бортовой навигатор рекомендует прыгать здесь — минимальная коррекция. — На карте мелькнула точка сброса и пошёл обратный отсчёт. — Загрузился?

— Да, капитан, маршрут проложен, полезная нагрузка зафиксирована. Готов к выполнению задания. Точку сброса подтверждаю. Есть инфо по встречающему?

— Будь осторожен, Алса, если что — выходи по кратчайшему в безопасную зону. Все поймут. — На комм упали опознавательные коды штабного, который меня должен подобрать, но я даже не успел посмотреть, кто именно там будет, как таймер пискнул, и я приготовился к очередному десантированию. Три, два, один...

Навык быстро восстановился, и я уверенно оказался лицом к цели. Над головой уплывал поезд из корявых лепёшек безумного кулинара. А передо мной светилась дополненная навигационная разметка. Ближайшая точка установки была в пятидесяти километрах. Я нырнул в надвигающуюся волну мусорного облака. Это только звучит так эпично. А на самом деле звёзды как звёзды, пустота как пустота. Ну если очень напрячься и знать куда смотреть, то можно себе надумать, что что-то видишь, типа темное пятнышко, но это самообман. Если бы не сканер с маркировкой на тактической карте — фиг что различишь, пока тебя не долбанёт. Пулю-то мы не видим, так и здесь, только быстрее.

Как только я десантировался, радиолокационные дроны встали впереди меня, разобрав сегменты сферы с двойным нахлёстом. Это вообще первое, чему меня учили, и не хотелось

позориться на таких мелочах. Боевое прикрытие прижалось на границе энергетического поля. Разгонять их я пока не хотел. Была задумка прыгнуть внутри коридора, чтобы сэкономить топливо для маневровых, но это после доразведки.

Углубившись в буферный коридор, я быстро понял, что он нестабилен и кораблём сюда лезть расставлять ловушки точно не стоило. Дважды мне прилетало. Какие-то микрочастицы прорвались сквозь двойное кольцо сканеров и тукнули по энергетическому щиту, отскочив в неизвестном направлении. Попадания отозвались на теле, как если бы мальчишки в саду яблоками кидались. Неприятно, если что-то покрупнее прилетит, то можно и синяк заработать.

Биоэнергетический контроль позволял на уровне рефлексов концентрировать плотность силового поля, но при этом сохранял обратную связь с оператором таким вот дисциплинирующим образом, напоминая, что защитой не стоит злоупотреблять, а лучше уничтожать угрозы на подлёте или вовсе уворачиваться. Когда я на полигоне словил первую пулю, то мне вообще показалось, что все внутренности отбило.

Я уже был на одиннадцатой точке, когда на связь вышел мой встречающий.

— Стажёр Чжан! Вызывает Мора! До точки randevu «Омега» тридцать минут, доложите обстановку.

— Капитан Мора! Здесь стажёр Чжан, завершаю установку одиннадцатой ловушки. Осталось четыре локации. — Я аккуратно позиционировал графеновый контейнер, и мой ответ прозвучал несколько резко, но отвлекаться на любезности я не мог.

— Доложите обстановку и статус БРПК. — В соревновании по лязгу металла в голосе я проиграл сразу и бесповоротно.

— Завершаю установку. Все системы работают штатно. — Я наконец поймал и зафиксировал нужную позицию, после чего активировал раскрытие зонда. Контейнер вспух красивым пятиметровым шаром, а я развернулся и лёг на курс к следующей точке. Краем глаза отметил, что на таймере осталось не так уж и много времени: «До пересечения потоков: 00:47:51:73».

— Выхожу на двенадцатую точку. Расчётное время завершения миссии сорок одна минута. — Мой оптимизм в голосе, видимо, её не обманул. Я-то видел, что уже пора переключаться на второй запасной бак. И как только догадался захватить!

— Отчёт по топливу, стажёр. Открыть доступ к инженерной телеметрии.

— Есть. Выполнено. — Я со спокойной совестью переключился на второй бак и открыл доступ.

— Хорошая подготовка, но надо ускориться!

«Скупая похвала и собаке приятна. Кай, что мы упустили? Почему надо ускориться?» — я начал подготовку установки следующей ловушки.

— Приступил к установке двенадцатой ловушки, — доложил я в канал. Вокруг расцвели бутоны лазерных разрядов. В общем-то мои дроны всю дорогу по мелочи постреливали, и меня это уже не беспокоило.

— Наблюдаю деградацию облака на выходе из буферного коридора у точки «Дельта».

Вот ещё один сюрприз. В начале смены там была тишь и благодать, ловушка стояла почти пустая — и пятнадцати процентов не было, мы даже её накачивать хотели завтра.

— Пилот Чжан, отставить установку ловушек с тринадцатой по пятнадцатую. Завершай начатое и прямиком на выход.

— Есть, завершить установку текущей ловушки и покинуть буферную зону. — Приказ был недвусмысленным, и руки на автомате ускорились. До выхода было больше ста километров и не факт, что получится преодолеть их парой импульсов.

За спиной надулся графеновый шар, а я очень быстро понял, почему получил приказ на эвакуацию. Фронт из Мю-11 ещё не дошёл до нашего сектора, а дебри заколыхались, как деревья в лесу перед бурей. Странный эффект, но факт: кажется, что ветра нет, а лес уже шумит. Каталожные маркеры начали хаотично колебаться, нарушая все законы физики. В силовое

поле стала чаще залетать обидная мелочь. Дроны увеличили дистанцию, насколько позволял узкий трёхсотметровый коридор. Уровень сигнала начал падать, а потом и вовсе пошли разрывы связи.

— Тер...метри... — Следом капитан Мора несколько раз продублировала пакетным сообщением: «Срочно на выход. Теряю телеметрию. Жду на точке».

Дальше началась карусель. Дроны срабатывали по десяткам целей, половина из которых тут же оказывалась ложной. Отключить режим обороны я не мог, и приходилось надеяться, что шальной разряд не сдетонирует где-нибудь особенно неудачно. Форсаж и бесконечные коррекции быстро выжгли половину бака, но я уже не экономил, крутился между реальными и ложными целями, прикидывая в уме, а не квантануться ли отсюда на волю, но меня останавливало разумное опасение выскочить из прыжка в облаке смертоносной шрапнели. Хотя я и выжимал из движков максимум, время неумолимо таяло. По моим ощущениям бесконечные коррекции превратили сто километров пути в двести, а то и в триста.

Когда в облаке плазменных разрядов я вывалился из мусорного фронта, таймер показывал ещё больше четырёх минут до расчётного начала интерференции где-то там, в начале сектора, но сканеры уже превратились в сплошное красное пятно. Я не стал разбираться в природе этого явления и, запустив деконтаминацию, стремительно поднырнул в открытый грузовой шлюз разведчика, который терпеливо ждал меня на точке. Стоило мне втиснуться в трюм, как меня зафиксировали магнитные захваты и плотно притянули к стене. Бортовая система боевого робота синхронизировалась с кораблём, и на экране появилось строгое лицо Миры.

— Посиди пока в трюме. Надо уйти за Землю. Фонит безбожно.

* * *

Я успел прийти в себя после забега по мусорным дебрям и на пару с Каем спокойно проанализировать лог своих действий, перед тем как Мира позвала меня в рубку. Суеты было довольно много, отдельные действия проходили на грани неоправданного риска, но всё это было вызвано вполне доказуемыми многочисленными ложными угрозами, так что внутренне я был готов к любому разбору, которого неминуемо ждал от сурового командира. Оставив Перчинку под креслом в БРПК, я поднялся в рубку.

— Кресло первого пилота. Садись и подключайся. — Сухо бросила женщина, стоило мне переступить порог капитанского мостика.

— Спасибо, что вытащили, капитан! Сканеры сошли с ума последние полчаса.

Капитан Мора сидела на капитанском месте в центре рубки, и перед ней, помимо навигационного экрана корабля, висело ещё несколько тактических визоров. По дороге к своему месту я успел заметить, что обстановка на некоторых участках была отнюдь не благополучной. Группировка наших зондов не справлялась с оценкой текущей ситуации из-за помех, но красные маркеры на местах ловушек, которые установили другие группы, ясно свидетельствовали об их аварийном состоянии.

— Тем не менее ты выбрался! Приходилось на «Шэньчжоу» пилотировать? — Она даже не спрашивала, а скорее утверждала очевидное, перебрасывая мне на визор коды авторизации подключения к бортовым системам. — Поможешь мне. Выйдем из-за Земли — проложи курс на «Терешкову». У меня задач навалилось. Передаю управление на тебя.

Понятно, что мне, как китайскому пилоту, по умолчанию положено знать все настройки бортовых систем отечественных кораблей, но на борту суперсовременного разведчика «Гордость Шэньчжоу» я оказался впервые, и ни о каком управлении вслепую и речи быть не могло. Пришлось потратить минут десять на адаптацию. Кай усердно помогал скомпоновать управляющую панель и старательно продублировал все надписи на визоре глазных линз в привычных русскому глазу обозначениях. Что происходит у меня за спиной, я не видел и только по

отдельным фразам мог догадываться, что несколько экипажей отправили на базу Корпуса для ремонта, а кому-то ещё продолжают помогать оттаскивать переполненные ловушки.

Китайский разведчик оказался весьма экономной и послушной моделью, в которой почти не угадывались наши инженерные решения. Я бережно провёл его в обход радиационных выбросов и начал коррекцию для захода к орбитальному носителю «Терешкова», когда Мора наконец отвлеклась от своих экранов.

— Алса, что скажешь? Как тебе корабль?

— Благодарю, что доверили пилотирование. Огромное удовольствие управлять такой совершенной машиной!

— Что же, ты никогда не пилотировал «Гордость»?

Я хотел было отшутиться, что, мол, свою гордость пилотирую сколько себя помню, но осёкся, ощутив себя двумя ногами на тонком льду. Очень уж мне спокойная ирония в голосе Миры не понравилась, но оборачиваться и включать визор я не стал. По легенде Алсы мне действительно ну никак не мог выпасть случай работать за штурвалом разведчика и подобных ему современных кораблей.

— Последние полгода я «Клестанг» пилотировал и к соревнованиям готовился. На спасательном «Рое» гонял, а до этого разные модели перебирали для гонок — чтобы сильные и слабые места прочувствовать.

Мой ответ её не удовлетворил, но и возражений не вызвал. Я затылком чувствовал, как она меня разглядывает.

— Капитан, готов встать в стыковочный эшелон. Перед нами один аппарат. Окно полторы минуты.

— Разрешаю.

— Алса, а напomini, что ты заканчивал?

Что за вопрос? И отвечать на такое надо на автомате, хотя момент она выбрала для меня крайне неудачный. На визор валились запросы диспетчеров — «Терешкова» готовилась корректировать орбиту, чтобы принять приближающееся на аварийном форсаже звено пилотов из эскадрильи Алефа. Они вместо буксира тащили подбитый корабль своего товарища, который отчаянно стравливал атмосферу из пробитого в нескольких местах корпуса. На сотню километров выше, возле платформ консервации, орбита была забита выстроившимися в очередь на сдачу ловушек кораблями, среди которых мелькнул маркер «Мганги». Оттуда отвалили два перехватчика и начали сваливаться к мусорным дебрям, ныряя за оставшимися ловушками. В этой неразберихе я вовремя заметил приказ изменить курс и уйти на второй орбитальный круг.

— Капитан, ухажу на ожидание. Нам понизили приоритет — аварийку тащат. Похоже, пожар на борту.

— Подтверждаю. Так что ты заканчивал?

— Харбинский. Пилот гибридных систем. — Её настойчивость мне не нравилась всё больше.

— Харбинский институт гражданской авиации и космоса. Хорошая школа, — произнесла она задумчиво. — Кафедрой гибридных силовых там по-прежнему Сюй Хе Ю заведует?

Кай не подкачал, мгновенно вывалил ключевые даты, и я постарался ответить как можно небрежнее, обливаясь холодным потом под комбинезоном. Печалька была в том, что меня сейчас лучше любого детектора лжи считывала бортовая нейросеть, и отвечать надо было так, чтобы это соответствовало физиологической реакции.

— Он проректором стал. У нас с ним и было-то пару лекций всего. А как сейчас — не знаю. — Я выпустил волнение наружу и даже обозначил попытку обернуться. — Мне бы очень хотелось продолжить служить в Корпусе. Понимаю, что мой послужной очень короткий, а образование не профильное, но зато налёт уже немаленький, и я очень стараюсь.

— Ха-ха! — Не помню, чтобы она смеялась раньше. — Тебя никто увольнять не собирается. Но ты сам сказал, что образование не профильное.

Я ошарашенно замер, всеми фибрами души чувствуя, что сейчас решается моя судьба. Корабль скользнул мимо краулера, и на экранах в рубке управления воцарилось спокойствие. Мы ушли на виток ожидания, оставив активное движение за спиной, но сердце предательски билось, и я всё больше осознавал, что попал.

— А ты часом стажировки в американских университетах или в Гренландии не проходил?

— Нет.

— А на Марсе не был?

— Нет. — Тут я искренне испытал такое недоумение, что любая нейросеть решила бы, что я с инопланетянами встретился.

— Очень уж ты шустрый для простого парня из Харбина.

— Я из бедной семьи и очень хочу выбиться в люди, поэтому с детства упорно учусь и не отказываюсь ни от какой работы, — выдавил я, ощутив, что закапываю себя этим ответом глубже.

— О! Это отличная мотивация для тех мест, где готовят уникумов типа тебя. Вот только о том, что там не был, ты не врешь.

Она помолчала.

— Так кто же ты, Чжан Алса?

А вот теперь и у меня возник такой же вопрос! Кто она? К сожалению, досье на этот счёт молчало. Где училась, где служила, кто её направил в Корпус — ответов на эти вопросы там не было.

— У нас есть несколько часов до возвращения, так что давай пообщаемся. И имей в виду, я в курсе, что ты входил в резонанс, и знаю, у кого в гостях побывал.

Глава 5

Разговор, начатый на корабле, не задался, если так можно выразиться, но привёл к неожиданным последствиям. Мира сразу дала понять, что мои тайны под присягой её не интересуют, а вот про энергетический резонанс и тот самый «приём» на борту звёздного катамарана расспрашивала подробно. Пришлось даже выложить про обнуление «Ийона» и кражу астроябии, когда она заставила меня просмотреть с десятков голограмм древних артефактов, похожих как две капли воды на обруч-кольцо с трофейной астроябии. В остальном я крутился, как уж на сковородке. Уж не знаю, кто пробовал ужа жарить или чьё большое воображение родило этот образ, но, если бы его не было, то в тот день я придумал бы его сам. Видя, как я упираюсь, командир постепенно сбавила давление, а когда мы заходили на стыковку, просто пригласила к себе в гости.

— Прости, что подвергла тебя допросу из-за спины. Надеюсь, завтра, когда ты придёшь ко мне, ты лучше поймёшь, почему я так поступила. Нам надо продолжить. Я не стала выпытывать, где и при каких обстоятельствах ты нашёл астроябию, это и неважно. Но я объясню тебе, с чем ты столкнулся.

В свой первый выходной я сошёл на борт орбитального краулера и поднялся к ней в каюту. Мне уже приходилось бывать на орбитальных транспортах этой модели в бытность курсантом, поэтому я без труда сориентировался и, выбрав нужный колодец, быстро оказался на жилом уровне.

Женщина встретила меня на пороге каюты, как будто ждала, чтобы самой открыть дверь. Только сейчас, когда не чувствовалась её аура командира, я обратил внимание, что Мира едва доставала мне до плеча. Рукава старого, небрежно застёгнутого комбинезона со споротыми нашивками были подвёрнуты, открывая тонкие сильные руки. Она взъерошила свои слегка влажные, как после душа, волосы и взглядом пригласила входить. На белой коже с тыльной стороны кисти я заметил пятно не до конца сведённой татуировки с единственной буквой «С», выполненной в готическом стиле.

Мягко ступая босыми ногами по холодному полу, Мира провела меня вглубь каюты, где мы расположились за небольшим столиком в противоперегрузочных креслах. На этот раз никаких острых вопросов она не задавала и без предисловий начала свой рассказ.

— Десять лет назад я оказалась единственной выжившей из миссии «Каллисто». Среди прочих научных задач мы изучали влияние глубокого космоса на психику и физиологию человека. Это обыкновенные исследования, на которые все космонавты давно перестали обращать внимание, но в тот раз в программу добавили новые эксперименты. Три года, которые миссия провела на орбите самого дальнего из галилеевых спутников Юпитера — Каллисто, мы перекрёстно отслеживали биоэнергетический резонанс. Часть нашей команды получила небольшие браслеты из белого металла, которые были обязаны носить, не снимая.

По её просьбе я вывел на визор изображения астроябии, которую у меня украли. А рядом она повесила картинку браслета, и я поразился сходству незнакомых значков, нанесённых по ободу кольца и браслета.

— Я тоже носила такой браслет. Очень быстро я начала чувствовать странные изменения настроения, как будто кто-то заставлял меня заново переживать какие-то впечатления из моей жизни, даже когда я была занята чем-то совсем неподходящим. Доходило до смешного: сидя с полным ртом за завтраком, я могла ощутить близость с любимым человеком или расплакаться по погибшему щенку, когда приходилось обрабатывать корреляционные таблицы отклонений спутников Юпитера, и в голове от цифр свободного места не было.

В тот вечер мы сидели по-домашнему, и Мира раскрылась совсем с другой стороны. Стандартная одноместная безликакая каюта, лишённая каких бы то ни было признаков индивидуальности, где даже панели стенных визоров не были настроены, поначалу наводила на грустные мысли, но вместо сурового и сдержанного ветерана передо мной оказалась просто обаятельная женщина, которая заново переживала то, о чём ей приходилось рассказывать.

— Изменения происходили не только с теми, кто носил браслеты, но и с остальными членами экипажа. По условиям эксперимента трое учёных составили контрольную группу и с самого начала жили в изолированном модуле станции, они же вели наблюдение за нами. К концу первых трёх месяцев изменения в поведении стали настолько заметными, что появилась возможность сделать вывод: на каждого из нас влияет неустановленная космическая энергия — вибрации космоса, которые входят в резонанс с личной матрицей биоэнергетического излучения человека и усиливают её. У тех, кто носил браслеты, стали формироваться каналы резонанса, у остальных, кроме контрольной группы, стали появляться видения. Цветовые гаммы у большинства были индивидуальными, как и ощущения канала, но встречались и совпадения.

Женщина пригубила воду из герметичной чашки и легко поменяла позу, подобрав ноги под себя и засунув руки между коленями. Я вздрогнул, когда она начала говорить дальше, но её взгляд был направлен перед собой, и она ничего не заметила.

— У меня была кораллово-розовая с синими прожилками. У Криса Дорта и Пола Кубера — тёмно-зелёная с жёлтыми проблесками. Они оба — бывшие космодесантники. У нашего врача, Леи Мориц, проявилась самая светлая гамма — практически чистого белого цвета, слегка матовая. С неё-то всё и началось. Когда резонанс с космической энергией в канале большинства участников фокусной группы достиг более 50%, мы все были уверены, что общаемся с инопланетным разумом или высокоразвитым энергетически-информационным субъектным полем. Между собой наши цветовые палитры мы называли аурами — дань расхожему представлению об энергетике человека. Так вот, эти каналы стали нас накачивать энергиями. Работало это очень просто — стоило тебе представить эмоцию или ощущение, с которыми ты обычно входил в резонанс, как твой канал откликнулся и тебя накачивало энергией, а за спиной будто крылья расправлялись, и невозможное казалось возможным.

Она рассказывала, не поднимая глаз и не обращая на меня внимания, но в какой-то момент я замер, едва почувствовав, как наши каналы синхронизировались. Ощущения были очень слабенькими, едва заметными, но, приглядевшись, я действительно увидел точку-маркер канала на линии взгляда между мной и Мирой, как когда-то случилось у нас с Юнби в терминале прилёта лунного космопорта. С самого начала беседы, вытащив перед собой на визор глазных линз показатели сканера, я отслеживал в реальном времени все колебания биоэнергетических возмущений и вряд ли поймал бы это событие, не следи я за цифрами.

— Это нормально, не бойся. И я тоже слежу за происходящим. Мы гомогенны, поэтому такой резонанс не опасен, да к тому же я... — Она на мгновение подняла взгляд, но тут же прервала сама себя и, тряхнув распущенными волосами, вновь опустила голову. — Теперь ты понимаешь, как это происходит, хотя, может, уже и сталкивался.

«Резонанс очень слабый, хотя ёмкость канала почти 39% — как с Перчинкой» — я задумчиво анализировал колебания в канале и видел, что при полном кажущемся взаимопонимании обмен и одного процента не достигает.

— Так вот, всё началось с Леи. Каким-то образом она вошла в резонанс с Кубером и произошёл первый конфликт. Как он потом объяснял, ему стало физически невыносимо находиться рядом, при этом цветовая гамма поблёлкла и почти полностью обесцветилась, а его канал вначале чуть ли не заблокировался, а потом ёмкость упала процентов на десять. Позже мы выяснили, что так выглядит эффект чистки ауры и лечения. После этого случая у самого Кубера, когда он обратно нарастил резонанс, открылась энергия высокотемпературного воздействия, причём во сне. Его спальный пенал сгорел, а он с ожогами поступил к нашему док-

тору. После лечения его канал упал уже чуть ли не до нуля, и ему пришлось начинать сначала. Его гамма опять быстро набрала цвет, и канал восстановился, но какое-то зло на Лею он затаил.

— А как именно проявилась его способность? Это что-то типа кокона вокруг себя?

— В первый раз в пенале загорелось всё сразу, но Пол вскоре заявил, что может концентрировать плазму в любой точке. Радиус на базе было не определить, поэтому перенесли выяснение этого вопроса на Каллисто. Так и погиб Крис Дорт. Плазменный выброс просто разорвал его скафандр. А после него уже никто экспериментировать на поверхности не хотел, пришлось ждать, когда боты выкопают подповерхностную базу, установят модули и оборудуют убежище.

Мне было жутко интересно узнать, до какого уровня гармонизации резонанса дошла Мира и какое проявление энергии было у неё, но я терпеливо ждал. Спрашивать о том, что с ней случилось, ведь она явно потеряла свои способности, я тоже не торопился.

— После того как мы обжили бункер, исследования продолжились. Теперь стали «протыпаться» те, кто не носил браслеты. Один за другим они гармонизировались через кого-то из нас и поначалу только так входили в резонанс с нашим источником. Сначала с нашей помощью, потом, когда ёмкость канала у них тоже перевалила за половину, — самостоятельно. За этим мы упустили развитие нашей контрольной группы.

Она тяжело вздохнула. Пальцы машинально накрыли полустёртую татуировку.

— На одной из тренировок Крис просто сжёг мою ученицу, тихую и спокойную девушку. Анн должна была скоро приблизиться к порогу резонанса. Он и меня бы сжёг, но я смогла активировать защиту. Он оправдывался тем, что потерял концентрацию, и это был бесконтрольный выброс, но я видела страх и неуверенность, поселившиеся у него в глазах. Мы все стали чураться друг друга и стараться не пересекаться даже за приёмом пищи. Однажды ночью он постучался ко мне и рассказал, что вскрыл резервный сервер и скачал протокол нашей миссии.

Мира закрыла глаза и продолжала говорить, полностью погрузившись в воспоминания.

— На следующий день он просто исчез, но файл остался у меня, и то, что я прочитала, не оставляло нам шансов выжить. Нас всех отобрали по экспериментальной евгенистической программе. Каждый был носителем уникальной для нашего коллектива гаплогруппы. Каждого воспитывали с детства в специальных условиях, формируя определённый жизненный опыт, навыки, привязанности. Мне повезло — я росла в семье приёмных родителей и до совершеннолетия не знала об этом.

Она прервалась, и в уголках глаз заблестели слёзы. Я тоже растерянно молчал, не находя слов поддержки.

— Мира, прости, если не хочешь, мы можем не говорить об этом. — Наконец я собрался с духом. — Я очень ценю всё, что ты сейчас для меня делаешь, и надеюсь, что твои родители живы.

— Нет, Алса, их уже нет в живых. — Её слёзы высохли, оставив две короткие дорожки на щеках. — А с тобой я разговариваю в память о них. И в память о себе. Ты не должен сгореть бесцельно на этом пути.

— Почему ты думаешь, что мне предстоит сгореть?

Она скрестила ноги в позе лотоса, откинулась на спинку кресла и замолчала на несколько минут, оставив мой вопрос без ответа. Кай показал, что концентрация энергетического поля в каюте растёт уже до уровня боевого корабля, при этом мой канал с женщиной по-прежнему оставался в зачаточном резонансе.

— У одного из наших наблюдателей в контрольной группе был полноценный Гиперкам, — она кивнула на визор, где висело изображение астробии, — ты же им пользовался?

— На голову не надевал, конечно, но в руках держал. Я тебе рассказывал про тот выброс прошлый раз.

— Поэтому он его и забрал. Хозяйка клады, которую он сестрой назвал, тоже знает о возвращении в мир этого инструмента, и тебя бы неминуемо нашли, а потом взяли бы под контроль. С таким резонатором можно выжечь всю энергию человека...

— Но перепрограммировать-то нельзя? Я уже в резонансе, как и ты.

— Лея смогла бы, но её уже нет. Она погибла следующей после моей воспитанницы. Её дар — очищать ауру, а если хочешь — душу. Крис не захотел терять бонусы за открытие своих способностей, но никто не знал, что бы у него осталось, сними она с его души следы ожесточения и убийств. Конечно, его наклонностей это не поменяло бы, но он раз за разом ослабевал, когда она его лечила.

— А Гиперкам может заменить таких, как Лея?

— Не совсем, или даже совсем нет, но кое-что он может. — Женщина посмотрела на меня внимательным взглядом, словно ища следы сожаления от утраты артефакта. — Гиперкам настроен на определённый тип энергии, конкретную волну космического излучения и усиливает одни способности, ослабляя другие. Это определяется кристаллической решёткой сплава. В нашей миссии был ментат — носитель очень редкого типа резонанса, почти всемогущий. Когда оставшиеся участники эксперимента это поняли, они попробовали его нейтрализовать, но всё закончилось очень быстро. Он набрал такую силу, что заставил нас всех охотиться друг за другом вместо него.

Моё сознание было так переполнено простыми, но такими страшными открытиями, что я даже не успел спросить, как она выжила. «Получается, профессор тоже ментат?» Хоть он, по сути, и спас меня, забрав Гиперкам, мерзкое ощущение, что кто-то без спроса копался у меня в мозгах, не оставляло меня, и никаких симпатий к нему я не испытывал.

— Меня спас брат Фар. Ты знаешь его как профессора Челленджера. Станный тип, который играет в свою игру и коллекционирует гиперкамы, но именно он дал мне новую жизнь в стенах Корпуса. На Земле он известен как профессор астрономии Борджини. У него много научных степеней и званий и именно он выступил с обоснованием создания Планетарного Космического Корпуса на межправительственной ассамблее двадцать лет назад.

— Он сам тебе рассказал о нашей встрече? — Я не мог скрыть удивления.

— Вот ещё, я его даже ни разу не видела. Я его чувствую, когда он этого хочет. И этого достаточно. — Мира немного развеселилась от моего предположения. — Так что ты счастливчик, раз побывал у него на приёме.

«Знала бы ты, как он меня ломал! Но рассказывать об этом я не готов. Судя по всему, такие отношения вполне в порядке вещей в этом мире, и на них не принято обижаться» — злость и мерзкое чувство беспомощности вновь накатили на меня, но вслух я задал вопрос, который беспокоил меня больше всего:

— Так ты по его воле мне всё это рассказываешь?

— Не исключено, но я так не думаю. — Мира наклонила голову, прислушиваясь к себе. — По крайней мере, те мысли, что движут мной, вряд ли наведены им. Такая забота ему не свойственна. Я увидела родство наших источников и рассчитываю на твою помощь.

Я выжидательно посмотрел на женщину, и она в ответ медленно подняла глаза на меня. Наши взгляды встретились.

— Ты тоже убивал, но твой канал чистый. Либо твой источник тебя чистит, что маловероятно; либо ты встретил кого-то вроде Леи, что тоже маловероятно — мы бы знали; либо твоя энергетика от природы сильна, а в поступках не было того, что оставляет грязный след и меняет частоту резонанса.

Она испытующе смотрела на меня, не отводя взгляда, и я на мгновение почувствовал, что тону в её глазах. Сознание царапнула её оговорка: «мы бы знали». «Кого она имела в виду? Но сейчас не стоит спрашивать. Ещё будет время поговорить, особенно если ей нужна моя помощь».

— Надеюсь, помощь добровольная? — я стряхнул наваждение.

— Да, тебе надо развить канал резонанса и обрести понимание своей энергии, тогда я смогу очистить свою энергетику, гармонизируясь с тобой. — Она перевела дух. — Наверное...

Так начались наши занятия, к которым, скрепя сердце, я вскоре подключил Перчинку, полностью раскрыв историю своего контакта с аномалией. Умолчал я только о своих видениях и линзе над поверхностью Венеры. О существовании Юнби и нашем с ней совместном опыте на борту «Ийона» я и вовсе приказал себе забыть, чтобы ни полунамёком не выдать её существование, и очень надеялся, что она под опекой своей бабушки справится с обрушившимся на её плечи грузом. Памятуя о странном сне, в котором она просила не выходить на контакт с аномалией, я решил не повторять ошибку. Мне вполне хватило встречи с профессором, чтобы не забывать, насколько она была права.

Мира ни разу не упоминала, что кто-то из участников эксперимента обменивался сообщениями с источником энергии, как это делал я со своей таинственной визави, даже эмоциональными, не говоря уж о диалоге. Канал действительно мог работать на приём энергии: достаточно было синхронизировать частотные колебания своего физического и духовного тела. Таким проводником для меня стала Перчинка, помогая синхронизироваться и получить первый опыт.

Мира очень удивилась, узнав, что впервые это произошло на Земле. Хотя большинство духовных практик как раз на это и направлены. Люди пытаются преодолеть естественный барьер тела и ищут за пределами Земли отклик, созвучный своей энергии. Всевозможные жертвоприношения вуду и первобытных шаманов, кровавые культы ацтеков и языческих жрецов — это технологии бытового резонанса. Медитации даосов, мантры, молитвенные бдения — это тоже технологии резонанса. Но частота гармонизации у каждого пути разная и воплощение — разное.

Обычно людям с нашими возможностями путь домой был закрыт. Для развитого канала это грозило энергетическим удушьем — Земля надёжно защищала от прямого взаимодействия с энергиями мироздания. Только особые духовные практики и резонаторы, наподобие синхронизированного Гиперкама, могли помочь преодолеть биоэнергетический щит планеты.

* * *

Работы в рейде с каждым днём становилось всё больше, а темпы вывоза и сортировки мусора откровенно падали, но это был первый опыт землян, и он был успешным! День, когда закончилась подготовка и первый караван отправили на Солнце для сожжения, был объявлен всепланетным праздником! На всех инфоканалах планеты развернулась эпическая кампания, а Корпус прославляли так, как будто мы отбили нападение злобных инопланетян. Популярность Стражей на Земле выросла почти до той самой орбиты, на которой вращалась наша база, и стали поговаривать о создании второй орбитальной крепости Планетарного Космического Корпуса.

Эта шумиха продержалась пару недель, но постепенно стала уступать под напором приближающихся кросс-орбитальных гонок Кубка Лунной Траектории. Экраны опять заполонили трансляции с орбиты: завершалась подготовка трассы и возведение грандиозных трибун на орбитах Земли и Луны. Мы эти работы могли наблюдать воочию, когда над нашей головой расцветали рекламные баннеры корпораций-спонсоров и гоночных команд. Никто особенно не задумывался над последующим использованием огромных ферм и доков, которые взгромодились в космосе. Лунные трибуны собирались демонтировать, а вот стыковочные доки у нашей планеты грозились безвозмездно передать Корпусу.

На этом фоне почти не прозвучали первые потери среди наших пилотов. Мощный взрыв спутника развалил японский штурмовик во время транспортировки, и мы, к сожалению,

никого не успели спасти. Ловушки помогли заметно проредить мелкие мусорные скопления, и постепенно образовались безопасные коридоры, достаточно широкие, чтобы начать растаскивать крупнотоннажные аппараты, среди которых оставалось много неидентифицированных — «зомбаков», как между собой их называли стражи. Каждый такой вывод с орбиты больше напоминал теперь войсковую операцию. На задание летали по два-три звена с участием десятков дронов, и всё чаще на первый план выпускали боевых роботов. В одном ряду с нашими БРПК-К, которые быстро завоевали популярность, на задания регулярно выходили американские Халки, японские и китайские Мэки.

Наш экипаж несколько раз включали в состав сборных отрядов, когда надо было спеленать какой-нибудь подозрительный спутник и требовалось не только мощное прикрытие дронов, но и аккуратность расчистки сателлитного мусорного облака. Алёна достигла виртуозной точности в управлении гравитатором и опробовала новый метод, за который экипаж «Мганги» даже получил благодарность штаба, а Алёна — боевое прозвище *Besom*³, то ли Метла, то ли Чертовка — поди разбери, что коллеги имели в виду.

Мусорные пятна сметало, как чёртовым языком слизывало, когда наша борт-стрелок гравитационным сжатием разрушала центральное скопление, а бортовые плазменные и ионные турели сгоняли остатки выброса в расставленные по периметру ловушки. Корабельные дроны, к которым зачастую подключались дроны БРПК, тоже были задействованы в каждом схлопывании по полной программе, но вся слава вполне заслуженно досталась Метельской. Она была настоящим автором идеи и тактической модели, и теперь к ней все обращались не иначе как Миссис Бэсом.

Душан тут же переделал старую как мир песенку *Bésame mucho*⁴ и ходил, напевая на манер кубинского болеро с грузинским акцентом: «Бэсом, бэсом измучан...» — продолжить ему редко удавалось, если рядом оказывалась Алёна. Даже капитан Вунгу напевал эту мелодию, которая незаметно стала гимном нашего экипажа.

К сожалению, на весь Планетарный корпус было только три советских корабля с гравитаторами, но после демонстрации их успешного применения нашим экипажем можно было не сомневаться, что орбитальный флот всех корпораций вскорости будет оснащён подобными установками, а если называть вещи своими именами — оружием. Что будет с орбитами, которые мы так старательно чистили, если в бою столкнутся несколько таких кораблей и применят его — страшно было подумать. Спутниковый мусор ни в какое сравнение не идёт с тем, что натворит короткий пятиминутный бой.

Начало декабря я встретил на базе Корпуса, куда нас отправили на переформирование и для подготовки смены. Алёна и капитан Вунгу не вылезали из учебных классов. Видя эффективность нашей работы, правительства решили собрать второй рейд, и на базу прибывали новички, которых надо было обучать и которым предстояло передавать опыт.

Мы с Душаном быстро провели профилактический ремонт «Мганги» и спокойно занялись подготовкой «Ийона» к моему перелёту на Луну. Джебб как-то обронил за ужином, что они меня проводят на обратной дороге, что меня очень порадовало. Не знаю, что скажет Фриц, когда однажды мне доведётся возвращать ему «Клестанг», но корабль теперь больше походил на оперативную базу отряда специальных операций. Не меняли только силовую и движки, и то потому, что квантовый ускоритель без изменения геометрии корпуса было не поставить. Ладно, не только поэтому — дорого это запредельно.

³ *Besom* (англ.) — метла, веник; имеет и второе значение: чертовка, ведьма.

⁴ *Bésame mucho* (исп.) — «Поцелуй меня крепко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.